ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЮГА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
АДМИНИСТРАЦИИ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

ТРАДИЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР ЮГА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(СВАДЬБА ● КАЛЕНДАРЬ)

Нижний Новгород, 1996 г

Материал подготовила Н. Д. Бордюг, кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки.

Ответст. за выпуск Л. Кузьмина, гл. специалист по издательской деятельности областного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы.

Редактор Н. Н. Никишина.

Рецензент Н. В. Санина, кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Нижегородской государственной консерватории им. М. И. Глинки.

Данная книга — результат целенаправленной работы в районах, расположенных по правому берегу реки Волги и на юге Нижегородской области.

Содержит две части: первая посвящена одному из семейных ритуалов русского народа — свадьбе; вторая связана с крестьянским трудом, бытом, природой, сменой времен года.

Свадебный обряд рассматривается с драматургической и содержательной сторон как действо со своими завязкой, развитием событий, кульминацией и развязкой. Он уснащается различными по смыслу ритуалами и сопровождается произведениями устного народного творчества. На этом фоне развертывается музыкальная канва свадьбы.

Календарные обряды включают описание основных действ, совершаемых в разное время года. Внимание сосредоточено в основном на Рождестве, Святках, Семике (Троице), летне-осеннем цикле и обряде «Похороны Козьмы-Демьяна». Затрагиваются и другие обряды, которые стали праздниками (например, Масленица).

Книга имеет Нотное приложение и Список литературы.

Предназначена всем, кто проявляет заинтересованность в возрождении традиционной народной культуры во всем ее богатстве и самобытности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВАДЬБА

«Из семейных торжеств наибольшим богатством народного творчества отличалась свадьба с ее многообразной обрядностью, в которой традиции, возникшие в разное время, слились в цельный комплекс — свой для каждой местности, но в основных чертах сходный у всех русских» (14, 373).

Слова исследователя крестьянского быта М. Громыко справедливо можно отнести и к свадебному обряду, бытующему на территории Нижегородского края. Его отличает богатство локальных видов и обусловлено оно исторически сложившейся неоднородностью данной этнографической зоны: на территории Нижегородской губернии, расположенной по обе стороны Волги, наряду с русским населением исстари проживали разные народы (чуваши, мари, татары-мишары, мордва).

Многовековое общение привело к взаимообогащению жизненных и культурных укладов. Этот процесс особенно активно протекал среди мордвы и русских.

Наиболее устойчивыми в плане сохранения традиций оказались жанры обрядового фольклора мордвы. Они в свою очередь воздействовали на русскую песенность.

В русских селах Вознесенского района (Суморьево, Сар-Майдан и др.), бытующих чересполосно с мордовскими поселениями, предметы домашнего обихода, детали костюмов и цветовая гамма явно общие с аналогичными аксессуарами противоположного берега реки Мокши (здесь Нижегородская земля граничит с Мордовией).

В эрзянских селах Лукояновского района говорят и поют на двух языках. Наиболее интересными в плане сохранения устойчивых черт национального в мелосе оказались некоторые календарные и свадебные песни, похоронные и свадебные плачи.

Многолетнее изучение фольклора в районах активного общения двух народов, включая юг Нижегородской области,

подтвердило выводы, сделанные этнографами еще в XIX веке: они отметили «пестроту» свадебного обряда в Арзамасском, Княгининском, Лукояновском и других уездах Нижегородской губернии.

М. Забылин, посвятивший свадьбе значительный раздел своей книги «Русский народ», замечал: «свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны до того, что представляют вообще картины чрезвычайно живые вообще, и к тому же весьма разнообразные по своей характерности. Здесь представляется самая полная этнографическая картина с ее поверьями и обрядами...» (19, 115).

В современной фольклористике, тем не менее, существует традиция деления типов свадьбы по их эмоциональной насыщенности, характеру проявления на два вида: свадьба-похороны (север России) и свадьба-веселье (юг России). Все остальные типы — смешанные — возникли в результате взаимопроникновения элементов одной свадьбы в другую.

Характер эмоций в свадебном обряде зависел и от того, как «обставлялся» момент перехода невесты из своей семьи («своего мира») в семью будущего мужа («чужую семью»), а иногда в другую общину (если девушку отдавали в другую деревню, в другую местность). При этом происходили «...отчуждение невесты от группы девушек (младших членов общины), прощальные обряды в доме невесты; ...увоз невесты из родительского дома; ...приобщение невесты к группе замужних женщин» (18, 8).

В свадебном обряде первого вида все этапы перехода девушки из одного состояния в другое мыслились как «временная смерть невесты в прежнем качестве и возрождение в новом» (18, 8; по аналогии с природой — умиранием зимой и возрождением, расцветом весной). А поэтому почти все действа сопровождались плачами и причитаниями невесты, ее родни, подруженек, грустными песнями на сговоре, девишнике...

Второй вид, как справедливо замечает Б. Ефименкова (18), напоминает хоровод состязание («стенка на стенку»), игру двух групп участников, приближая эту свадьбу к календарной обрядности и сводя «конфликты» к игровым ситуациям.[1]

---

[1] Ряд исследователей видят корни этого в древних обычаях русских, когда во время весенних и летних игр «умыкали» невест (19, 115—116). Эти сюжеты перешли затем в хороводы, игры.

В традиционном фольклоре Нижегородской области происходит слияние элементов северной и южной свадьбы. Это слияние совершается в разных пропорциях.

Накопленный экспедиционный материал позволяет сделать следующие выводы: свадебный ритуал в его исконном виде бытует в сегодняшней деревне далеко не везде[1]. Бурно прогрессирующий в последние годы интерес к обрядовой культуре народа помогает возрождению и некоторых свадебных ритуалов.

Впервые нам удалось увидеть сцены воспроизведенного свадебного действа («сговор», «приезд поезда») в селе Мишуково Гагинского района в исполнении тамошнего фольклорного ансамбля в июне 1980 года. Позднее участницы этого коллектива вспомнили действо, называемое «отдание невесты жениху за стол», во время которого жених «выкупает» с помощью дружки право сесть рядом с невестой под иконы — в красный угол.

В селе Суморьево Вознесенского района воспроизводят некоторые моменты обряда: выкуп невесты и все дальнейшие действа вплоть до отправления жениха и невесты к венцу; в селах Иванцево и Пичингуши Лукояновского района живет весь свадебный обряд[2]. Жители Пичингушей поведали также, что у них стало традицией приглашать на молодежные свадьбы всех, кто помнит старинные ритуалы: плачея причитает вместо невесты, женщина, выполняющая роль свахи, готовит ее к свадьбе— одевает, учит некоторым правилам поведения во время свадебного действа.

Во многих случаях жители сельских местностей могут лишь описать свадебный обряд во фрагментах или целиком. При этом выявляются некоторые «разночтения», обусловленные местными традициями. Иногда описание охватывает лишь порядок действ, ритуалов, и сообщительницы уже не помнят тех песен, которые искони сопровождали русскую свадьбу.

Итак, в свадьбе имеется три основных периода: досвадебный, сама свадьба и послесвадебный. Каждый из этих периодов включает опеределенный ряд действ, причем действа

---

[1] Он сохранился, к примеру, в Починковском районе.

[2] Свадьба у мордвы имеет много общего с русской свадьбой, с ее первым видом: невеста причитает почти по каждому поводу. Однако в мордовской свадьбе большую роль играет сваха. К ней переходят и функции дружки.

эти варьируются в зависимости от сложившихся в данном месте «правил»[1].

В целом по югу Нижегородской земли вырисовывается такая картина: свадебные действа начинаются со сватовства, которое в случае согласия с обеих сторон завершается «рукобитием»; за ним следует вечеринка («запой»). Если жених и невеста из одного села и хорошо знают друг друга, то возможно объединение в один вечер просватанья, сговора и запоя: «сжатие» первоначального этапа свадебного обряда становится характерным для конца XIX века и закрепляется в XX столетии.

После этого следовала «великая неделя» — период от пропоя и до венца. С момента запоя девушка-невеста величалась «сговоренкой», сменяла девичий головной убор на черный головной платок, который повязывался низко, закрывая весь лоб до бровей. В некоторых местах существовала и специальная одежда для «сговоренки». К примеру, в Арзамасском районе была принята «убряда» («сряда»), состоявшая из платка, кофты и юбки черного цвета: еще с языческих времен считалось, что черный цвет предохраняет от «сглазу», болезней, беды...

«Великая неделя» длилась действительно неделю, но иногда — две и три (на севере России и более). За это время окончательно приготовлялось приданое. Завершалась «великая неделя» девишником: невеста «прощалась» со всеми родными, подружками, расставалась с «девьей красотой»[2], передавая ее младшей сестре или любимой подруге.

В этот же день, до девишника или после него, совершалась баня[3]. Накануне подружки отправлялись к жениху, относя постель, занавески и т. п., подарки невесты жениху (среди них — рубашка, вышитая самой невестой). Иногда девушек угощали в доме жениха, а обратно жених передавал

---

[1] Выявляющиеся локальные отличия характеризуют как само действо, так и состав песен, их содержание и специфику мелодической структуры.

[2] Роль «девьей красоты» чаще всего выполняла лента из косы невесты (или несколько лент), повязка; в северных районах России — куделя, елочка, березка.

[3] Подружки сопровождали невесту в баню, причем, опасались встречи с замужней женщиной (боялись «сглаза»).

невесте все необходимое для совершения обряда бани: мыло, веник и полотенце[1].

Встречается девишник двух видов: в первом участвуют только подружки невесты и родня, во втором и жених со своими друзьями. В первом преобладает настроение грусти, печали: девушки поют специальные песни, дабы разжалобить невесту (в селе Березовка Вачского района такие песни называют «квелильными», видимо, от прилагательного «квелый» — слабый, хилый) невеста отвечает причитаниями, в которых обращается к отцу, матери, сестрам, подруженькам. Если невеста сирота, ей поются особые песни, она же в своих причетах может обратиться к крестным — отцу и матери, к дальним родственникам, подружкам.

Во втором виде девишника преобладают светлые мотивы. Он напоминает посиделки. Жених и невеста чинно сидят за столом под иконами, а остальные поют песни, затевают игры: Девочки-подростки делают из сена птицу — «голубя», привязывают его на веревочку и закрепляют на длинной жерди. Голубя спускают жениху, который должен обязательно поймать его, иначе «счастья не будет». В конце вечера жениху и невесте подавалось блюдо с блинами: заворачивая край блина, жених целомудренно целовал нареченную. Затем блины разрезались пополам и съедались женихом и невестой.

В утро свадебного дня сваха и подружки обряжали невесту в специальные одежды. Сваха расплетала косу и заплетала уже по-женски две косы[2]. Косы закреплялись на затылке, чтобы удобнее было надеть женский головной убор: повойник, сороку или кичку. Сверху набрасывалось покрывало; фата и вуаль («уваль») появились позднее.

Перед прибытием свадебного поезда невесту прятали «на середу» — за занавеску.

---

[1] Жители некоторых районов вспоминают о том, что был обычай дарить два веника: один — для бани, другой — для прикрепления к коньку невестиной избы. Это служило знаком, что в доме готовятся к свадьбе. Вместе с тем, березовые ветви исстари оберегали дом от всяческих напастей. Таким образом березовый веник служил и оберегом.

[2] В этот момент также пелись грустные песни, невеста причитала. В тех местах, где девишник был веселым, именно утро свадебного дня становилось драматической кульминацией свадьбы. Невеста расставалась с «девьей красотой», после того, как сваха выплетала ленту из косы. (Расплетение косы на две в редких случаях происходит уже после венчания).

Отправляясь к дому невесты, дружка и подружье (или тысяцкий) могли встретить всяческие препятствия и обязаны были «платить выкуп» за право дойти до порога. В доме происходил обряд отдавания невесты жениху за стол: дружка откупался от подружек невесты, которые расхваливали ее, тем самым повышая цену.

Когда, наконец, жених садился рядом с невестой под образа, следовало угощение: подавались щи, каша, пиво, специально сваренное к свадьбе, иногда и водка. Молодые по обычаю к еде не прикасались.

После благословения молодых отцом и матерью невесты[1], все направлялись к поезду: жениха сажали в передние сани, невесту — во вторые, «поезжане» и представители невесты располагались в других санях[2]. После венца поезд следовал в дом жениха. Так завершалась первая часть свадебного действа — самая красивая и насыщенная событиями разного эмоционального накала.

Собственно свадебный период — это свадебный пир в доме жениха (на нижегородчине он называется «горны»), продолжение его в доме невесты («отгостки») и домах близких родственников с обеих сторон. Он менее регламентирован, но и здесь имелись действа, которые были обязательны. Так, по возвращении свадебного поезда из храма к дому родителей жениха, молодых встречали хлебом-солью, осыпали хмелем, зерном пшеницы или овса и с честью провожали в дом. При этом молодые должны были ступить на первую ступеньку крыльца правой ногой — чтобы жизнь была правильная.

---

[1] Перед отправлением поезда из дома жениха его благословляли собственные родители. Накануне жених собирал у себя друзей — нежонатиков на «парнишник» или (парневник).

В литературе, посвященной свадьбе, упоминается о том, что иконы которыми благословляют молодых в доме невесты, обязательно берутся в храм: во время венчания они помещаются на церковный иконостас.

[2] В составе поезда фигурируют сани, т. к. самым удобным для свадеб временем считалось зимнее: дни на Казанскую (4 ноября н. ст.) и Михайлов день (21 ноября) [сватовство совершалось на Покров]; или на «мясоед» — период до масленичной недели [сватовство происходило на Крещение (18—19 января н. ст.). В этот период, как правило, устанавливался санный путь.

Свадьбы игрались после Пасхи и после Петровского поста, но это время было не всегда удобным: кончались зимние запасы, начинались работы в поле и т. д.

Во время свадебного пира обязательно пели величальные песни — жениху, невесте, родителям жениха (в некоторых местностях родители невесты в этот вечер отсутствовали), родственникам с обеих сторон, свахам, дружке, гостям.

В самый разгар пира молодых отводили «на подклет» (самую холодную комнату в избе), относили им свадебную курицу и другие угощения. По дороге молодых вновь осыпали хмелем, зерном, мелкой монетой[1].

На следующий день устраивали битье горшков или разбрасывали сено, куда предварительно складывали мелкие деньги, смотрели, как невеста выметает «сор», все ли монеты найдет...

Третий период длился долго, иногда — целый год. Новый статус молодых постоянно подчеркивался разными обрядами. Например, в Дальне-Константиновском районе было принято на Масленицу окликать молодых. Это происходило в Прощенное Воскресенье: молодого «умыкали» и закапывали в снег. Так требовали угощения. Окликальщиков побыстрее приглашали в дом к накрытому столу, а молодого вызволяли из снега[2].

В третью неделю Великого Поста молодой зять приглашал в гости тестя: справлялась «обжорная» пятница. В этот день варили ритуальный кисель, добавляя в него конопляное масло. В пятую неделю Поста (она называлась «похвальной») молодые устраивали семейные угощения для жениной родни.

На Фоминой неделе принято было приглашать в гости всех родных. Родители осматривали хозяйство молодой семьи, высказывали замечания, пожелания, затем усаживались за празднично накрытый стол, воздавая должное кулинарным дарованиям молодой, ее умению варить пиво (по этому поводу пелись специальные песни).

Постепенно новая семья органично вписывалась в крестьянскую общину.

---

[1] Этот обряд исполнялся для того, чтобы молодые жили в достатке, благополучии и имели детей. Такое же значение придавалось и свинине на свадебном столе (40, 27).

[2] Окликать молодых было принято и на Фоминой неделе (второй после Пасхальной) в Воскресном и Варнавинском районах. Окликать ходили дети, «неженатики» и взрослые женщины, пели специальные «вьюнишные» песни, за что получали вознаграждение.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

Главное действующее лицо русской свадьбы — невеста[1].

Окружение невесты — родители, сестры, братья, отдаленные родственники, иногда крестные мать и отец, сват и сваха: «свой» мир.

«Чужой» мир — жених, его родители, сестры, братья, другие родственники, сват и сваха, дружка, подружье, тысяцкой (его роль в свадьбе — представительная, своего рода свадебный «генерал», который мог возглавить свадебный поезд).

Одна из важнейших фигур в свадебном действе—дружка. На свадебном пиру он выступает в качестве своеобразного режиссера всего действа: что и за чем идет, когда и кому петь величальную песню, а когда и шуточную или корильную, он же определял время ухода молодых с пира «на подклет».

Большая роль отводилась невесте. Она должна была знать множество обращений к разным людям, где проговорить их, а где пропеть или проплакать. Подружки невесты также должны были унаследовать от своих матерей и бабушек те же приговоры (ведь им самим предстояло стать невестами) и огромное количество разнохарактерных песен, которые они пели, начиная с момента просватанья и до отъезда свадебного поезда в храм.

Для отведения «злых сил» приглашали специального «сторожа», «вежливца» («ведуна»). Иногда эту функцию выполняла сваха со стороны невесты.

---

[1] В книге «Русский народ» М. Забылин пишет: «Самое слово «невеста» означает — неизвестная, неведомая — указывает уже на тот русский обычай, когда девушку жених мог видеть только после венца...» (19, 120).

ПРОСВАТАНЬЕ, РУКОБИТЬЕ, ЗАПОЙ

Обобщая все, что говорили старожилы Нижегородской земли о сватовстве — начале свадебного обряда, подчеркнем основные моменты сего действа: сваты появляются в доме невесты ближе к вечеру, когда хозяева управились с домашними делами и со скотиной. Сватовство — дело неторопливое и требует досужего вечера. По ступеням крыльца сваты поднимаются довольно стремительно — без задержек («чтобы не отказали»), в дверь стучат трижды, войдя в избу, крестятся, здороваются с хозяевами и просят разрешения пройти в избу. Получив таковое, сваты стараются пройти по одной половице (для успеха дела), усаживаются под матицей—бревном, которое поддерживает потолок, чтобы в будущей семье был лад. Разговоры ведутся неспешные и посторонние, однако всем уже понятно что к чему, и будущая невеста прячется на середу (кухню), в чулан или просто на полати.

Вскоре сваты переходят к делу, говоря традиционную в этих случаях фразу: «Прослышали мы, что у вас есть добрый товар, а у нас есть славный купец—молод, хорош собой, да богатый!»[1].

Родители сначала отказывают сватам. Предлоги выбираются разные — что дочь не подросла, что приданое не готово В прежние времена сватам приходилось смиряться с тем, что решение откладывается под разные предлоги. Они приезжали еще и еще раз. Наконец, согласие получено и назначается встреча с родителями жениха.

Рукобитье происходило также в доме невесты. В этот вечер могли пригласить ближайших родственников, но разгово-

---

[1] Достоинства жениха, равно как и его богатство, сваты всегда преувеличивали, к примеру, говорилось, что злато и серебро «двумя возами возили, да не вывезли».

Иногда сваты, прежде, чем сообщать о товаре и купце, начинали «байку» о заблудившейся овечке («ярочке», село Суморьево, Вознесенский район) и т. д. Поэтому в некоторых селах правого берега Волги и южнее было принято петь сватам (свахе) песни корильные, в которых выводились «на чистую воду» все хитрости. «Величания наоборот» звучали и в утро свадебного дня.

ры вели главы семейства: о приданом[1], расходах на свадебный пир, подарках всем родственникам, о количестве гостей на пиру. Завершив деловую часть, родители иногда попросту ударяли по рукам, а иногда и заручались: отец жениха подавал через стол руку отцу невесты, а мать жениха—матери невесты, при этом каждый старался прихватить полу тулупа (шубы) — жест-оберег (мех барана исстари считался «охранителем»: он отпугивал «злые силы»; на мех становились молодые «под благословенье», на мех садились под иконы в момент отдавания невесты жениху за стол, мехом устилалась и кровать в холодной комнате молодых—подклете).

После заручения начинались «пропои»: на стол выставлялось угощение, которое привезли гости: пироги, пиво или водка. Звучали песни, приличные случаю. Так, в поселке Гагино вспомнили песню «Ждали, ждали, наконец, дождались мы друга»[2]:

Ждали, ждали, наконец, дождались мы друга:
Знать, святой послал Творец верного супруга.
Знать, святой послал Творец верного супруга,
Наше дело с тобой решено—жить нам с тобой вместе.
Наше дело с тобой решено— жить нам с тобой вместе,
Вместе радость и весель, и крушиться горем.
Вместе радость и весель, и крушиться горем,
Через быстру речку плыть, через сине море!
Через быстру речку плыть, через сине море!
Еще шесть деньков пройдет—и рука с рукою!
Еще шесть деньков пройдет—и рука с рукою!
Поведут нас в Божий храм и поставят рядом.
Поведут нас в Божий храм и поставят рядом
Пред Владычицей Святой, пред Святым налоем!
Пред Владычицей Святой свечи зажигают,
А нас, миленький, с тобой кольцами обручают![3]

---

[1] Разрушая сложившееся мнение о подневольном положении русской женщины в замужестве, многие архивные документы свидетельствуют о том, что, войдя в новую семью, жена на всю жизнь сохраняла за собой право на приданое. Распорядиться даже малой частью имущества жены муж мог только с ее согласия (См.: 14).

[2] См.: Нотное приложение, № 1. (Песня сообщена Кандальниковой Е. С., Мишаниной М. И., Салиной П. П., июнь 1980 г.).

[3] Текст песни свидетельствует о влиянии на него «книжной» поэзии (наличие рифм, поэтический строй). Однако малочисленность песен в обряде рукобитья, а также необычайная мелодическая красота и многоголосный строй побуждает к ее публикации.

В конце вечера звучала песня «Из-за лесику, из-за темныва»[1]:

Из-за лесику, из-за темныва,
Ой ли, люли, из-за темныва.
Из садику, да, из зеленыва,
Ой ли, люли, из зеленыва.
Тута шли-прошли двое молыдцы,
Ой ли, люли, двое молыдцы.
Двое молыдцы, оба холосты,
Ой ли, люли, оба холосты.
Оба холосты, неженатые,
Ой ли, люли, неженатые.
Они шли-прошли, разбранилися,
Ой ли, люли, разбранилися.
Душой-девицей расхвалилися,
Ой ли, люли, расхвалилися.
Ох, кому ж то я, я достануся,
Ой ли, люли, я достануся?
Доставалася мужу старому,
Ой ли, люли, мужу старому.

Утеря во времени тех или иных свадебных напевов, побуждала хранителей обряда заполнять пустоты песнями более позднего времени, которые по содержанию подходили к тому или иному моменту свадьбы, что и произошло, по-видимому, в Гагинском районе. В селе Мишуково этого же района в момент просватания (причем, здесь зафиксировано «сжатие» обряда) подружки пели лирическую песню «Солнце восходило». Ее содержание, равно, как и настрой, вполне соответствовали обстоятельствам. Эта же песня звучала в ситуации, когда невесту отдавали жениху за стол[2]:

Солнце восходило, да,
На первый день весны.
Дуняша выходила
На крутой бережок.
Дуняша выходила, да
На крутой бережок,

---

[1] См. Нотное приложение, № 2. (Сообщители те же. В тексте, как и во всех последующих, передается специфика исполнительского произнесения).

[2] См. Нотное приложение, № 3. (Песня сообщена фольклорным коллективом в июне 1979 г.).

Смотрела, любовалась
На быстрый ручеек.
Смотрела, любовалась, да,
На быстрый ручеек.
Премилое гулянье,
Крутые берега.
Премилое гулянье, да,
Крутые берега.
Веселое веселье
В зеленаих лугах.
Веселое веселье, да,
В зеленаих лугах.
Там пташечки летали
И вили гнездышки.
Там пташечки летали, да,
И вили гнездышки:
— Повейтесь, вольны пташки,
Повейтесь надо мной!
Повейтесь, вол(и)ные пташки, да,
Повейтесь надо мной,
Меня повеселите
Последний вечерок!
Меня повеселите, да,
Последний вечерок.
Сегодня вечерочком
Хотели гости быть.
Сегодня вечерочком, да,
Хотели гости быть.
Нежданные, незванные
Хотели сговорить.
Нежданные, незванные, да,
Хотели сговорить.
Златым меня колечком
Хотели обручить!
Златым меня колеч(и)ком, да,
Хотели обручить.
Не дорого колечко,
В нем камни хороши!
Не дорого колеч(и)ко, да,
В нем камни хороши.
Не дороги каменья —
Мне парень не к душе.

ВЕЛИКАЯ НЕДЕЛЯ

Следующий момент свадебного действа — вечерки в доме невесты, во время которых за приготовлением для «сговоренки» приданого девушки-подружки пели песни обрядовые и просто «каки на ум придут». Среди обрядовых можно назвать «Ой, цветы мои, цветики», «Сохнет-вянет у нас в поле травка»[1], «Ох, не вечор ли, знать это было, вечор», «При вечере было, вечере»[2] и др.

Интересна и песня « Катенька, Катюша, купеческа дочь»[3]:

Катенька, Катюша, купеческа дочь,
Прогуляла Катя всю темную ночь.
Прогуляла Катя всю темную ночь,
А поутру рано ложилася спать.
А поутру рано ложилася спать,
Пришла ее матерь и стала ругать!
Пришла ее матерь и стала ругать:
— Вставай, вставай, Катя довольно уж спать!
Вставай, вставай, Катя, довольно уж спать,
Пришли пароходы, хотят Катю взять!
Пришли пароходы, хотят Катю взять!
Один парус белый, другой голубой.
Один парус белый, другой голубой,
Один купец старый, другой молодой.
Один купец старый, другой молодой.
Молодой твердит все:— Пойдем, Катя со мной!
Молодой твердит все:—Пойдем, Катя, со мной,
За крутые горы, за синие моря!

---

[1] Фрагменты данных песен приведены в моей статье «О русском музыкальном фольклоре Горьковской области» (9, 17).

[2] Песни «При вечере было, вечере», «Солнце восходило», «Ой, цветы мои, цветики», см.: 39, вып. 5; песню «Ох, не вечор ли, знать это было, вечор», см.: 39, вып. 6.

[3] См.: Нотное приложение, № 4. (Сообщена Е. С. Кутузовой О. М. Прокофьевой в июле 1991 г. Село Хвощевка Богородского района. Музыкальный склад песни свидетельствует о ее сравнительно позднем происхождении).

За крутые горы, за синие моря,
Где солнце не светит, луна никогда!
Где солнце не светит, луна никогда!
Катенька, Катюша, уедем туда!

В песне изображается привольная девичья жизнь и момент сватовства в достаточно завуалированной форме: «Пришли пароходы, хотят Катю взять».

В свадебных девичьих песнях часто возникала проблема выбора: старый — богатый, молодой — бедный. И не всегда было ясно кому отдавалось предпочтенье. Слушатель словно бы должен был сам догадаться об этом. Потому в песне «Катенька, Катюша, купеческа дочь» три последние строфы посвящены монологу молодого купца, в котором он приглашает девушку за крутые моря, синие горы... Симпатии исполнительниц и тех, кто слушает, конечно же, на стороне того, кто приглашает «туда—не знаю, куда», т. е. в страну мечты.

В свадебной песне «Из-за лесику, лесу темныва» девушку также ставят перед выбором: «Ох, кому ж то я, я достанусь». В одном из многочисленных вариантов этой песни, бытующих на Нижегородчине, девушка должна выбрать или «белова да румянова», или чернова, кучерявова». Героиня песни предлагает парням «жеребий»: взять прутик и на нем погадать: кто последний покроет вершину прута, тот и жених.

В ряде девишнических песен рассказывается о загадочном сне, который привиделся Аннушке (Марьюшке и т. д.): прилетает млад ясен-сокол («При вечере было, вечере»), садится на окошечко, и никто не может разгадать, к чему бы это? И только родна мамынька разгадывает тот вещий сон: сон — к сватовству, приходу жениха, о котором также рассказывается в завуалированной форме, т. к. он «захожий», «залетный» добрый молодец.

Очень распространен в песнях девушек сюжет о подруженьке, которая хотела в монастырь уйти, а сама дала себя уговорить на замужество. Такую подруженьку называют в песнях изменщицей:

«Изменила нас изменщица,
Изменила красна-девица...».

Чтобы благополучно прошло время «великой недели» и не расстроилась свадьба из-за неверности одного из вступающих в брак, в некоторых песнях рассказывалась печальная история о том, как милый дружок уехал, изменил, забыл свою

избранницу. При этом, грустную историю начинали рассказывать исподволь — издалека, применяя излюбленные приемы параллелизма так, в песне «Сохнет-вянет у нас в поле травка» повествуется об увядании всей природы, т. к. нет дождя и «силен ветер подувает»; у Маши посыхает зелен садик, соловушек улетает в лес, тоскуя по зелени, а Ванюша стал забывать Машу.

Среди песен девишника есть и такие, в которых подруги высказываются словно бы от имени самой невесты, особенно в тех случаях, когда она проявляет независимость в принятии решения. Такова «Вянули в полюшке цветики»[1]:

Вянули, вянули,
Вянули в поле цветики!
Вянули во чистыим лазоревые!
    Грянули, грянули,
    Грянули на море весёлками,
    Грянули во сизое
                крашённинькими!
Топнули, топнули,
Топнули конюшки подковушками,
Топнули вороныя серебряными,
    Токнуло, токнуло,
    Токнуло сердечко у души,
    Токнуло ретивое у Машеньки.
С кем ей будет, с кем ей будет,
С кем ей думушку думати,
С кем ей крепкую советовати?
    Думу думать, думу думать,
    Думушку думать ей с батюшкой,
    Крепкую советовать с родимыим!
Эта дума, эта дума,
Эта дума не крепка, не верна!
Эта дума не крепка, не верна!
    Думу думать, думу думать,
    Думушку думать ей с матушкой,
    Крепкую советовать с родимаю.
Эта дума, эта дума,
Эта дума не крепка, не верна!
Эта дума не крепка, не верна!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 5. (Село Хвощевка, Богородск, исполнительницы — те же).

Думу думать, думу думать,
Думу думать ей с Ванюшкой,
Крепкою советоваться с Васильевичем!
Эти словеса, эти словеса,
Эти словеса ей понравилися!
Эти словеса ей понравилися!
Эта дума, эта дума,
Эта дума и крепка, и верна!
Эта дума и крепка, и верна!

В долгие дни подготовки к свадьбе за рукоделием девушки пели не только свадебные песни, но и многие другие. Среди них — «Отдала меня мамынька»[1], в которой рассказывается о судьбе женщины в замужестве (по-видимому, несчастливом), о том, как, обернувшись пташкой (в других вариантах благодаря своему индивидуальному распеву:

Отдала меня мамынька
Шестнадцати лет.
Не буду я к мамыньке
Три... три года ходить.
Не буду я к мамыньке
Три... три года ходить,
На четвертом годике
Пта... пташкой прилечу!
На четвертом годике
Пта... пташкой прилечу,
Сяду я у мамыньки
В зе... зеленам саду!
Сяду я у мамыньки
В зе...зеленам саду... у,
Ве... сь я сад у мамыньки
Сле... слезьми затоплю.
Весь я сад у мамыньки
Сле... слезьми затоплю,
Пошлет мама братцыньку
Пта... пташку застрелить.
Пошлет мама братцыньку
Пта... пташку застрелить:
—Не бей, не бей, братцынька,
Я ж твоя сестра.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 6. (Сообщена Е. С. Кутузовой).

—Не бей, не бей, братцынька,
Я ж твоя сестра.
—Моя-та сестренычка
Бе... бела-румяна.
Моя-та сестренычка
Бе... бела-румяна,
А ты, бедна пташечка,
Ху... худа и бледна.

В последний день великой недели» традиционной была песня «Снежки белые пушистые»[1]:

Снежки белые пушистые,
При-и-накрыты все поля.
Принакрыты все поля, ха, да,
О-одно поле, поле не покры... покрыто,
По... поле батюшки маво.
Поле батюшки маво, ха, да,
Сре... среди поля, поля есть кусто... кусточек,
О... одинёшенек стоит.
Ах, одинёшинек стоит, ха, да,
Ку... куст не вянет, зелёный, не со... не сохнет,
И... и листочков на ём нет.
И листочков на ём нет, ха, да,
Ни... ни листочков на ём, ни кусто... кусточков,
На... на ём нету ничаво.
На ём нету ничаво, ха, да,
А... а я горька, горька я, несча... несчастна,
Всё... всё страдаю' д по милом.
Все страдаю' д по милом, ха, да,
День я тоскую, ноченьку горю... горюю,
Понапрасну слезу лью

---

[1] См.: Нотное приложение, № 7. (Сообщена в селе Юрьево, Гагино, 1980 г. В записи учтены особенности интонировки текста, включая запев в исполнении А. Н. Кузнецовой). По некоторым предположениям «Снежки белые пушистые» принадлежат к песням с авторским текстом, изрядно измененным в крестьянской среде.

Два варианта песни опубликованы в сб. А. Нестерова: 32, №№ 75, 76; с. 75.

Ах, понапрасну слезы лью, ха, да,
Слёзка канет, снег белой расста... расстанет,
Тра... травка выростет на ём.

На девишниках с приглашением жениха и его друзей старались не петь слишком грустных песен, но и излишнее веселье казалось не подходящим ситуации. Потому и игры, и песни были степенными, окрашивались в лирические тона. По содержанию они также соответствовали обстоятельствам: зачастую в них воплощались темы выбора парами друг друга, сватовства, будущей свадьбы и т. п. Одна из таких песен — «Девки думали, девки гадали»[1]:

Девки дума... ли, девки гадали:
—Во каку игру играть.
Во каку игру играть, да,
Или в жму... жмурки или
во горелки
—Мы в веревочку начнем.
Мы в веревочку начнем, да,
Станови... вился Ваня возле Маши,
Праву ручку крепко жал.
Праву ручку крепко жал, да,
Он до то... ой он поры ручку жал, да,
Загорелся в лице жар.
Разгорелся в лице жар (ы):
—Давай, Ма... Маша, Маша,
поменямся
С руки на руку кол(и)цом.
Давай, Ма... Маша, Маша,
сповенчамся,
Жизнь счастливо проживем.

И все же молодость брала свое. На вечёрках играли в традиционные молодёжные —поцелуйные, с пением («Дрёма», «Подушечка» и др.) и без пения игры, танцевали под балалайку, использовались и разные подручные шумовые инструменты— валёк, ложки, трещётки. С середины прошлого столетия на вечёрках зазвучала гармоника, а к концу XIX

[1] См.: Нотное приложение, № 8. (В записи текста и мелодии мы старались соблюсти черты индивидуальной, присущей только данной исполнительнице, Е. С. Кутузовой, подачи песни).

вска девки и парни помимо обычных шуточных и быстрых песен стали петь частушки[1].

У невесты в дни «великой недели» была своя четко очерченная роль. Девушки-подружки все это время жили в доме невесты. И по традиции «сговорёнка» должна была сама собрать их у себя. Поэтому сразу же после запоя она обходила все дома, где живут незамужние девушки, и, обращаясь к ним с определенной песней, тем самым приглашала их на весь предсвадебный период:

— Уж вы милые мои подруженьки!
Ай люли, люли, да вы подруженьки!
Уж придите вы посидеть ко мне!
Ай люли, люли, да посидеть ко мне!
Уж попойте вы да песни величные!
Ай люли, люли, да песни величные!
Ой, величные да горемычные!
Ай люли, люли, да горемычные!
Прослезите-ка мою матушку, да,
Ай люли, люли, да родную матушку!
Прослезите-ка вы родно батюшко, да,
Ай люли, люли, да родно батюшко![2]

Каждое утро, пока девушки помогали с приданым и по хозяйству, невеста вставала раньше всех и будила их, обращаясь ко всем с причитаниями. Эти утренние причёты она старалась припевать без слез, приберегая силы на весь день: она обязана была встречать причитаниями каждого входящего в дом. Главный «взрыв» эмоций приходился на девичник и утро свадебного дня.

Обычно в этих песнях-обращениях встречались два сюжета: в первом девушка обращалась к петухам (кочетам) с просьбой не вставать рано и не будить подруг, т. к. в эти дни она должна сама их будить. Далее разворачивался рассказ-аллегория. Во втором сюжете она сразу же взывала к подругам и рассказывала им свои сновидения.

---

[1] Иногда на вечёрках пели песни в честь сватушки. Сюжет про «бестолкового сватушку», про которого припасен «редьки хвост», «мослы» и т. п. является «ходовым» в русской свадебной игре (41, № 21, с. 90).

[2] В тексте, носящем явно «импровизационный» характер (о чем свидетельствует несоблюдение количества слогов в стихах), нарушена иерархия обращения: мать — отец (а не отец — мать). Мелодия забыта (место записи — Кстовский район, 1977 г.).

Пример причёта первого вида записан в Богородском районе[1]:

—Вы не пойте-ка, да, петухи рано!
Не будите-ка моих подруженек!
Уж-та я сама... а разбужу-та их!
Расскажу я им, ох, свой тревожный сон,
А что приснился мне да на самой заре:
Уж плыла-то я а во синю море,
Приплыла-то я, ах, к круту бережку.
А на том бережку стоит высокий дуб,
А на дубе том, а млад сизой орел.

Приведем также причёт, записанный известным фольклористом С. Пушкиной.

Вы не пойте-ка, ранни кочеты,
Да не будите-ка моих подруженек.
Я сама встану ранёшенько,
Разбужу подруг я тихохонько:
—Вы вставайте-ка, мои подруженьки,
Да умывайтеся ключевой водой,
Утирайтеся да по-накрючником.
Да уж послушайте,
да расподруженьки,
Да что я вас буду да спрашивати:
—Уж спалось ли вам темну ноченьку?
А мне, горькой, ночь не спалося.
У нашего двора высока гора,
У наших ворот широка река.
С этой гороньки я каталася,
В этой реченьке я купалася.
За ковыль-траву я хваталася,
Ковыль-травонька обрывалася.
Житье девичье кончалося[2].

---

[1] См.: Нотное приложение, № 9. Причитание сообщено О. М. Прокофьевой не до конца (село Хвощевка, Богородск).

[2] См.: 41, № 22, с. 91. Песня записана в Муромском районе, когда-то входившем в состав Нижегородской губернии. Многие песни из сборника С. Пушкиной (записанные в тех местах, где Ока — граница между Владимирской и Нижегородской областями) родственны по стилю нижегородским.

Причёт, который относится ко второму виду, сообщила А. И. Ульянова из села Тепло-Троицкое Дальне-Константиновского района:[1]

— А вставайте-ка, мои подруженьки!
А уж и спалось ли вам тёмной
ноченькой?
А мне, бедною, неспалося,
А не спалося, да всё мне думалось.
А уж ходила я да по крутой горе,
А уж ходила я да по святой церкве.
А потеряла я три потерюшки:
Уж и перву-ту потерюшку —
А уж родимова свово тятеньку;
А вторую-то потерюшку —
Да уж родимую да свою мамыньку;
А уж третью-ту потерюшку —
А уж родную да я подруженьку.

Сюжет с обращениями невесты к подруженькам встречается еще в одном моменте свадебного действа — в утро свадебного дня: снова она встает раньше всех(иногда уходит попрощаться с деревней, с окрестностями — с «вольной волей», особенно, если девушку выдают в другое село), и начинается ритуал прощания со всеми родными, с подружками. Сюжет этот обогащается, обрастает разными подробностями.

Важна роль невесты на девишнике. Он мог проходить до бани, но иногда обряд проводов невесты в баню совершался до вечорки, днем[2]. И тогда ритуальные действа выстраивались в такой последовательности: баня — девишник — приход жениха с друзьями (вечорка)[3].

На девишнике невеста садилась за стол и начинала «вопить», обращаться ко всем присутствующим: родителям, родным, подружкам: «Есть суеверие, — пишет М. Забылин, —

---

[1] См.: Нотное приложение, № 10.

[2] Сам обряд бани имеет двоякое значение. Прежде всего — это приготовление тела и души, очищение их перед важным событием в жизни человека. Второе значение известно с языческих времен, когда невеста символически посвящалась богу бани — баеннику. Потому и до XX столетия в некоторых местностях невеста расставалась с «девьей красотой» дважды: перед баней и в утро свадебного дня, когда ей расплетали косу и заплетали две.

[2] Другой порядок: девишник — баня.

что будто бы невесте необходимо в девичник и перед свадьбой плакать, основываясь на старинной поговорке: «НЕ ПОПЛАЧЕШЬ ЗА СТОЛОМ, БУДЕШЬ ПЛАКАТЬ ЗА СТОЛБОМ» (19, 120).

Если у невесты не было родителей, то к данному моменту к ней приходили крёстные отец и мать, дальние родственники. У невесты-сироты и свадьба была печальная, а в день девишника она обязательно ходила на кладбище, причитала там и просила благословеньица[1]:

— Милая моя мамынька!
Ты послушай-ка, родная!
Что твое чадо милое,
Что пришло-прикатилося...
Рассказать горе-кручинушку.
У меня ли бедноей
Что и горя'т полнёхонько,
Да сходить с горем некуда!
Что живу ли я, бедная,
Как полынынька во поле,
Как полынынька горькая...
И т. д.

В некоторых селах принято ставить на стол невесте-сироте ёлочку или берёзку, которую подружки приносили из лесу, украшали лентами, цветными тряпочками, фантиками от конфет (прямо как на Семик или Троицу).[2]

За столом невеста-сирота пела специальную песню. Встречались такие, как «Канареечка, вольная пташка», «Не сердитеся, подружки»,[3] но чаще всего звучала «Река ль моя,

---

[1] Этот плач интонируется на типовой напев в пределах малой терции, к концу же переходит в рыдание от тяжких воспоминаний.

[2] Елочка или берёзка, если такова традиция, могут быть поставлены и невесте, у которой имеются и отец и мать. В северных районах деревце выполняет функцию «девьей красоты».

[3] «Канареечка, вольная пташка» приближается к лирической песне, имеет множество вариантов, которые звучат на свадебном пиру, а также и на посиделках. «Не сердитеся, подружки» — песня, по-видимому, конца XIX века, содержит следы контаминирования (присоединения «чужого текста»), повороты в сюжете и приёме параллелизма, свойственные лирическому жанру.

реченька»[1]:

Река ль моя, реченька,
Раскруглое озеро.
Как во этем во озере
Плывут гуси-лебеди,
Плывет утка с утятами,
А я разгорькая, несчастная,
Со своеми любымыми подружками.
А что собрать-то меня некому,
Благословить-то меня некому.
А собери-ка меня, крёстная мать,
А благослови-ка, крёстный отец.

В момент, когда невеста сидит за столом перед наряженным деревцем, девушки-подружки поют обрядовую песню «Недолго веночику на стенке висеть»[2]:

Недолго веноч(и)ку
На стенке висеть, эх,
На стенке висеть.
Недолго Анастасьюшке
В девушках сидеть, эх,
В девушках сидеть.
Да недолго Ивановне
Косу красовать, эх,
Косу красовать.
Бывало я косушку
Часто чесала, эх,
Часто чесала.
Бывало я русую
Мелко плетала, эх,
Мелко плетала...
И т. д.

После этой песни следует обряд расставания с «девьей красотой» и, начиная с этого времени, невеста становится центром внимания.

---

[1] Эта песня (также, как и «Канараеечка, вольная пташка») обладает индивидуальным распевом, свидетельствуя о незаурядных импровизационных способностях их сообщительниц — М. А. Котомкиной (с. Юрьево, Гагино) и Е. И. Егелевой (Большое Жадрино, Дальнее Константиново) (см. об этом далее).

[2] См.: Нотное приложение, № 11. (Сообщила О. М. Прокофьева, с. Хвощевка, Богородский район).

Перед расставанием с «девьей красотой» она обращается по очереди ко всем:

— Уж вы милые подруженьки,
Разлюбезные мои голубоньки!
Что пройдет зима холодная,
Принесёт да вёсну красную!
Подойдёт ведь лето тёплое.
Вы пойдите-ка, мои подруженьки,
Вы пойдите-ка на волюшку!
Мимо батюшкина терема,
Мимо матушкиной горенки.
Вы возьмите мою девью кра́соту,
Унесите-ко да во зелён садок,
Как не быть тому дереву зелёному,
Так не бывать ли мне, молодёшеньке,
Не бывать мне снова в девушках![1]

Подруги утешают невесту такими словами:

— Полно, полно, душа Аннушка,
Полно плакать, убиватися!
Ведь не с жизнью ты расстанешься,
Расстаешься с волей девичьей![2]

Если девишник в целом был грустный (в нем преобладали черты «свадьбы-похорон»), его называли «слезистой свадьбой» в отличие от свадебного пира, где царит веселье.

Когда невеста отправлялась в баню и возвращалась из нее, подружки вновь пели ей специальные обрядовые песни. Например, «Ты топись-ка, топись, банюшка»[3]:

Ты топись-ка, топись, банюшка,
Раскались-ка, печка-каменка!
Ты рассыпься, бел-крупён жемчуг,

---

[1] Сообщено А. Н. Кузнецовой (с. Юрьево, Гагино). Текст приговаривался вне высоты, ближе к речевой интонации с использованием элементов плача-причёта.

[2] Девушки верили, что та, кому невеста передаст свою «девью красоту», быстро выйдет замуж. Невестино деревце (берёзку, ёлочку) сохраняли в доме невесты до следующего дня. Его «выкупал» дружка и передавал свахе со стороны жениха. Иногда деревце брали и в храм на венчанье, а затем отвозили в дом жениха, где хранили как оберег.

[3] См.: Нотное приложение, № 12 (38, с. 146). Можно также рекомендовать две «банных» песни из сборника Н. А. Римского-Корсакова (42, песни №№ 84, 85).

Ни по плису, ни по бархату,
По Марусиной косе русе.
Ты расплачься, душа Машенька,
Перед родным своим батюшкой,
Пред сударынею матушкой.
— Что ты, батюшка, за пиво варишь?
Или, батюшка, ты сына женишь?
— Я не сына женю, я дочь отдаю.
— Что ты, мамынька, за курнички
гнешь?
Или, мамынька, ты смену ждешь?
— Я не смену жду, я дочь отдаю,
Не за князя, не за барина,
За такого за крестьянина,
За Ивана за Григорьевича.

УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ

В селе Мишуково Гагинского района невеста в утро свадебного дня начинала плач, обращаясь к матери:

— Эх, да ты вставай-ка,
Ах, мила моя мамынька,
По утру ранёшенько.
Эх, да умывайся,
Ах, мила моя мамынька,
Эх, да ключевой водой.
А я-то разгорькая,
Красна-девица,
Эх, да горючьими слезьми.[1]

Мать ей отвечала:

— Ой, мила моя доченька,
Голубушка сизая! Ой! (плачет).
Не пришлось мне тебя,
Милая моя доченька,
Понежить при своей бедности!
Ой! (плачет)
Будила я тебя,
Милая моя доченька,

---

[1] См.: Новтное приложение, № 13. (Все обращения невесты поются на этот мотив).

Поутру ранёшенько!
Ой! (плачет)
И вставала ты,
Моя милая доченька,
Вместе с белой зоренькой![1]

Невеста обращается к брату:
— Эх, да ты вставай-ка, милый братец Сашенька,
Поутру ранешенько!
Эх, да умывайся, милый братец Сашенька,
Эх, да ключевой водой.
Эх, да я-то разгорькая, красна-девица,
Эх, да горючьими слезьми.
Эх, да запрягай-ка, милый братец Сашенька,
Эх, да ворона коня.
Эх, да поезжай-ка, милый братец Сашенька,
В зелёную рощицу.
Эх, да ты сруби-ка, милый братец Сашенька,
Белую берёзоньку!
Эх, да расколи ты, милый братец Сашенька,
На четыре половиночки!
Эх, да заложи-ка, милый братец Сашенька,
Широко подворьице!
Эх, да тут приедут, милый братец Сашенька,
К вам гости все жданные!
Эх, да а мне бедной, а мне-то разгорькой —
Злые все разлучники!
Эх, да разлучат нас со родимой мамынькой,
Разлучат веки по веки!
Невеста обращается к подружкам:
— Эх, да вы вставайте, милые мои подруженьки,
Поутру ранешенько!
Эх, да умывайтесь, милы мои подруженьки,
Эх, да ключевой водой!
Эх, да а я-то разгорькая, красна-девица,
Эх, да горючьими слезьми!

В Мишуково имеется два варианта продолжения обращения невесты к подружкам:

Первое продолжение (выдают не по любви):

---

[1] Мать причитает, подражая подлинному плачу, потому речитатив трудно определить высотно.

— Эх, да не расплетайте, милы подруженьки,
Мою русу косыньку.
Эх, да моя руса косынька не дорощена!
Эх, да моя ала ленточка не доношена!
Эх, да красуйтесь, милы подруженьки,
В красных девушках!
Эх, да я-то разгорькая, красная девушка,
Открасовалася!

Второе продолжение (девушка выходит по любви):

— Эх, да подойдите ко мне, милы подруженьки,
Расплетите косу русую!
Эх, да расчешите, мои милы подруженьки,
Мои русы волосы!
Эх, да перевяжите мои русы волосы
Лентой алою!
Эх, да снарядите вы мою головушку
В церковь Божью — под златой венец!
Эх, да вы наденьте на мою головушку
Уваль шелкову, восковой венок!

Невеста вновь обращается к матери:

— Эх, да скажи-ка, мила моя мамынька,
Куда девать «красу девичью?»
Эх, да по лугам пустить, она загуляется!
Эх, да по лесам пустить, она заплутается!
Эх, да разделю я свою красу девичью
По милым подруженькам!

Далее невеста просит подружек:

— Эх, да пропустите вы меня, добры люди,
Эх, да за дубовый стол.
Эх, да за дубовый стол, да за убранной.
Эх, да встречайте меня, милы подруженьки,
Сядьте со мной рядышком.
Эх, да вы пропойте, милы подруженьки,
Эх, да песню свадебну.

Подруги поют песню «Солнце восходило» (которая звучала на сговоре).[1]

Невеста, кланяясь матери, пропевает:

— Эх, да не прошу я у тебя, мила мамынька,
Ни злата, ни серебра!
Эх, да а прошу я, мила моя мамынька,
Великого благословения.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 3.

Эх, благослови-ка, мила моя мамынька,
Эх, да во чужи люди!

В этот момент мать снимает с домашнего иконостаса икону Казанской Божьей Матери — покровительницы женщин, трижды читает «Отче наш, иже еси на небесех» и крестит дочь. Затем передает икону (со стороны невесты).

Подъезжает свадебный поезд, и невеста обращается к брату:

— Эх, да подойди-ка, милый братец Сашенька,
Эх, да к дубову столу.
Эх, да сядь-ка ты, мой милый братец Сашенька,
По правую сторону.
Эх, да продай-ка, милый братец Сашенька,
Мому другу милому.
Эх, да не продешеви-ка, милый братец Сашенька,
Мою косу русую[1].

Мать дает последние наставления дочери:

— Эх, да улетаешь, мила моя доченька,
Эх, да лебедушка моя белая,
Из роднова гнездышка!
Эх, да доченька моя милая,
Голубушка моя сизая!
Эх, да послушай-ка, что я тебе буду сказывать:
Эх, да привезут тебя к широку подворьицу,
Эх, да твово друга милова.
Эх, да выйдет вас встречать ево родный батюшка,
Ево родна матушка.
Эх, да поклонись им, мила моя доченька,
До самой сырой земли!
Эх, да чтобы встретили они тебя, мила доченька,
Как свою дочку родимую![2]

---

[1] Если свадьба носила грустный характер, невеста обращалась к брату с другой просьбой:

— Дорогой ты мой брат, Олешенька!
Не продай ты меня, а выкупи.
Из-за дубова стола меня выведи!

(Сообщила О. В. Лялякина, с. Шапкино, Богородский район, 1991 г.).

[2] Далее мать советовала дочери быть послушной в новом доме — слугой верною, чтобы жить со всеми в мире и согласии. Этот причёт, как и все предыдущие, интонируется на один мотив. По мере увеличения количества слогов происходит быстрое «проговаривание» отдельных фраз.

После этих слов матери раздается стук в дверь и появляется «вестовой»— один из друзей жениха: он трижды крестится, повернувшись лицом к красному углу, затем здоровается с присутствующими и извещает, что свадебный поезд уже на подходе. Кланяясь поясным поклоном, он просит всех встречать дружку и подружье по-достоинству.

Дружка и подружье начинают веселый торг за место жениха рядом с невестой. Подруженьки усиленно нахваливают невесту, нарочито преувеличивая ее достоинства, чтобы выманить побольше даров у приезжих гостей.

В деревне Берёзовка Вачского района, где свадьба по характеру приближается к первому типу («свадьба-похороны»), утро свадебного дня начиналось с таких причитаний невесты:[1]

— Ах, заутро глянула я,
Ах, да я в окошечко,
Ах, да тут прострелило
А мое-то сердечушко:
Ах, да что там кака пыл(и)-та пылит?
Ах, да что это за звон звенит?[2]
Ах, да что это за народ бежит?
Ах, родимая моя мамынька,
Ах, ты запри вороты на крючок!
Ах, не пускай ты этих гостей!
Ах, не пускай ты их во двор!
Ах, они гости нам — не гости;
Ах, они воры-те — разлучники!
Ах, разлучат с родимой мамынькой,
А еще с милыми подружками!

Невеста «ревёт», а подружки постепенно ее одевают:

— Спасибо тебе, милый батюшка,
За хлеб, за соль!
А еще спасибо, батюшка,
За нарядушку!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 14.

[2] Слова «звон звенит» объясняются следующим образом: на дуге передней тройки висели колокольчики, которые были слышны издалека.

В день свадьбы было принято также звонить в церковные колокола. На этот обычай указывают песни из цит. сборника Н. А. Римского-Корсакова (42, «Звонили звоны в Новгороде», «Звон-колокол во Евлашеве селе» (песни №№ 71, 72).

Проводил ты меня, милый батюшка,
Во чужи люди!...
И т. д.

Невеста кланяется батюшке или крёстному отцу в ноги!

Подружки и сваха со стороны невесты открывают сундук, достают «сряду»: каждому предмету предназначается свой причёт.[1] В последнюю очередь убирают голову невесты: сваха со стороны жениха расплетает девичью косу и заплетает волосы по-женски в две косы, затем их окручивают вокруг головы[2], чтобы удобнее было надеть женский головной убор. В это время (в селе Берёзовка) звучала песня «Трубонька»[3]:

Вострубила трубонька
Рано по росе, эх,
Рано по росе.
Восплакнула Катенька
Об русой косе, эх,
Об русой косе.
Вечер ее косыньку
Подружки плели.
Подружки плели, эх,
Поутру ранешенько
Ее расплели, эх,
Ее расплели.
Приехали сваханьки
Немилостивые, эх,
Немилостивые.
Стали ее косыньку
Рвать и порывать, эх,
Рвать и порывать.

---

[1] Однако все они интонируются на один и тот же мотив (см.: Нотное приложение, № 14).

[2] Недаром в народе говаривали о девушке, которую выдавали замуж: «скрутили бедную». Во время венчания молодых трижды обводили вокруг аналоя — также «окручивали».

[3] См.: Нотное приложение, № 15. «Трубонька» ныне встречается редко (старожилы помнят песню только по названию, но не знают ни слов, ни мелодии). Можно предположить, что первая строфа была привнесена в песню в XVII веке, после того, как у царей и важных бояр на свадьбах стали играть трубы (зурны). По описанию историков и летописцев у них свадьба шла по тем же правилам, что и у крестьян. Отсюда и обращения к молодым — «князь», «княгиня», «боярин», «боярыня»...

Шелковые бантики
На землю кидать, эх,
На землю кидать.
Расчесали косыньку
На две стороны, эх,
На две стороны.
Положили русаю
Посверьх головы, эх,
Посверьх головы.
Тебе, руса косынька,
Веки вековать, эх,
Веки вековать.
Тебе, душа Катенька,
В девках не бывать, эх,
В девках не бывать!
Тебе, краса Катенька,
Косу не плётать, эх,
Косу не плётать.

По понятиям семьи, в которой имеется девушка «на выданьи», сваха со стороны жениха никогда не говорит правды о женихе, его доме, хозяйстве; она по своему «статусу» должна все преувеличивать, привирать, т. к. опасается, что «дело» может сорваться. Поэтому после того, как невесту уберут к венцу, девушки принимались за сваху, пели ей корильные песни. Такова и «Чужа свахонька-разлушница»[1]. Пение таких песен несколько снимало напряжение, которое царило в доме перед приездом жениха и расставанием с дочерью (напомним, что по старинным обычаям родители невесты в храм не ездили и на пиру в доме жениха не присутствовали; жених приезжал за ними только на утро после свадебного пира уже в качестве молодожена):

Чужа свахонька-разлушница,
Юда, змея подколодливая.
Подходила к мому терему,
Выкликала мово тятеньку,
Выкликала мою мамыньку,
Выхваляла чужу сторону:
— Как чужая-то сторонушка
Градовой стеной обложенная,
Виноградом отгороженная!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 16.

Как у тятеньки широкай двор —
Семи сажен с половиною.
А воротички стеклянаи,
Подворотенка хрустальная.
У воротки кольца мед(ы)наи,
А защелычка сереб(ы)риная.
— Уж ты, слушай-ка, ты, свашенька,
Уж и слушай-ка, мы пес(ы)ню поем,
Еще слушай-ка, мы честь воздаем!

До этого момента все стихи поются на один напев, но с разными подголосками и мелодико-ритмическими вариантами. Завершают песню еще четыре стиха, которые исполняются на другой мотив и в быстром темпе, словно предполагая припляску:

Вы нас будитя дарить,
А мы будем вас хвалить.
А не будитя дарить —
Завсегда будем корить.

Следом за этой корильной песней шла величальная «своей» свахе (на ту же мелодию):

Наша свашенька возлюб(ы)ленная!
На меду сваха замешинная,
Сладким сахаром посыпанная.
Подходила к мому терему,
Выкликала мово тятеньку,
Выкликала мою матушку.
Не хвалила чужу сторону:
— Как чужая-то сторонушка
Частколом обгороженная,
А полынушкой усаженная.
Как у Ванюшки широкий двор —
Семи версту с половиною,
А воротички дрянишные,
Подворотинка лубошная,
У воротки кольцо лычное,
А защелка мочал(и)ная.
У воротки стоит банюшка,
У ней углы обвалилися,
К воротичкам подкатилися.

Далее описывается жизнь Катеньки в доме будущего мужа:

Тут послали Катю по воду.
Где не взялись гуси-лебеди,
Возмутили воду свежую,
Тут Катенька без воды домой пришла,
Свекор-батюшка журит-бранит,
Та свекровушка побить велит,
Та золовушка-белянушка
Словом ласковым замолвила:
— Ты бы, Катя, чай, воды домой
несла,
Коли сердце утолилося,
В ведрах роза усвежилася.[1]
— Уж ты, слушай-ка, ты свахонька,
Еще слушай-ка, мы песню поем,
Еще слушай-ка, мы честь воздаем:
Вы нас будитя дарить,
А мы будем вас хвалить.
А не будитя дарить —
Завсегда будем корить.[2]

В тот момент, когда к дому подъезжал свадебный поезд, девушки вновь затягивали грустную песню «Снегу не было — навеяло»:[3]

Снегу не было — навеяло.
Снегу не было — навеяло.
Гостей не...е было — наехало:
Полон дво...орик вороных коней,
Полны се...ени людей добраих.
Подломи...ились сени новые,
Сени но..овае дубовае.

---

[1] Исполнители поют слово «ведра» как «ведры» (с фонемой «е» и редуцированным окончанием ближе к «ы»), в слове же «освежилася» фонема «о» ближе к «у». Сюжет ходьбы невестки по воду встречается и в других свадебных и хороводных песнях.

[2] Это — концовка всех величальных песен с. Берёзовки и находящегося недалеко с. Давыдовки. Сообщительницы рассказывали: «Чужая-то сваха обижается: «Вы как свою сваху величаете, а меня пошто забижаете!». Обязательно перескажет все и дружке, и жениху».

[3] См.: Нотное приложение, № 17. «Снегу не было — навеяло» — отдаленный вариант мелодии величальной (корильной) свахе.

См. также пильнинский вариант песни в сб. А. Нестерова: 32. № 72, с. с. 72, 73.

Подстрели...или соловья в саду,
Душу Ка...атиньку[1] в высоком
терему.
А Кати...инька напугалася,
Как(ы) ры...бинка, заметалася.
Го...из го...оренки во горенку пошла,
Всем подру...ужкам по навесочке
дала:
— Вы подру...ужки красны-девушки,
Собери...итеся скорёхонько,
Снаряди...итесь наряднёхонько.
У меня...а ли, младой Катиньки,
За стол...ом ли сидит Коленька,
Чешет ку...удри, чешет русаи.
Он своим кудрям наказывает:
— Прилёга...айте, кудри русаи,
Ко моей буйной головушки.
— Привыка...ай-ка, душа Катинька,
Ко моей да спеси-гордости,
Молодецкой моей бодрости[2].

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД

Жители села Берёзовка рассказывают: «Как только поезд покажется, поведут невесту за стол, садят под образа, покроют платком[3]. В воротичках жених покажется, а яво не пус-

---

[1] В некоторых протяжных песнях имя Катя распевалось по-особому — «Катинька» (фонема «е» менялась на «и»).

[2] Сюжет с чесанием кудрей и «привыканием» девушки «кочует» из песни в песню. Такова, к примеру, «Во саду ли под грушею», встречающаяся и в других областях России. Зачин песни «Снегу не было — навеяло» (или «Не было ветру — вдруг навеяло») также «гуляет» по всей Нижегородской земле. Кстати, все приведенные выше песни звучали и в момент просватанья, а величальные свахе (дружке, подружью...) и на свадебном пиру. Таким образом, свадьба приобретала единый стержень.

[3] Этот момент свадебного действа варьируется: в с. Мишуково невеста уже сидит под образами, но в «ували», и дружка выкупает косу, в с. Юрьево — просит вывести ее к «дубову столу», в Больше-Мурашкинском районе невесту выводят из середы только после просьбы дружки. И т. д.

кают. Сам крёстнай сидит на углу — караул держит. Крёстнай дружке и говорит: «Я тебе тут шубу сшил. Надо бы выкупить». Крёстнай подносит дружке блюдо, а на ём — стаканчик с вином. Ну, дружка тут и выпьет, а на блюдо-ти денежки посыпат — сверьху, чтоб звончей сыпались. Крестнай тут перевернёт стопочку и в дом заходит. Дружка—следом. А жених пока стоит. Ну, тут подружки невесты обступают дружку и песню ему поют:

— У нас друженька богатай,
да богатай.
Перед ним блюдо покатай,
да покатай.
Его женушка сряжала, да сряжала,
В платок гривну завязала, завязала:
— Ты поедешь, мил, на свадьбу,
да на свадьбу,
Сядешь в девичью карету, да карету.
Будут девушки корити, да корити.
Было б чем(ы) их одарити, да дарити.
Коль не гривною — полтиной,
да полтиной,
Не полтиной, дак рублиной,
да рублиной.
— Уж и слышишь ли друженька,
Уж какую тебе песню поем,
Уж какую тебе честь воздаем.
Если, друженька, ты будешь нас
дарить,
Завсегда мы тебя будем хвалить!
А не будешь ты нас, друженька,
дарить,
Завсегда мы тебя будем корить!

А дружка на блюдо сыпат, сыпат, все карманы обыщет. Тут и жених заходит, к невесте проходит. А ему блюдечко подносят, а на блюдечке—платочек. Жених тот платочек берет, и невесту цалует. Вдвоем — как голубки — садятся. И гости садятся, поезжане».[1]

---

[1] Записано со слов старожилов в с. Берёзовка Вачского района в сентябре 1990 г. Музыка величальной песни «У нас друженька богатай» похожа на величание свахам.

В некоторых местах невеста дожидается приезда жениха, сидя за столом. К столу ее выводят подруженьки, чинно и неспешно. В этот момент, как свидетельствуют в селе Холязино (район Б. Мурашкино), девушки запевают известную обрядовую песню «Гуляй, гуляй, девушка».[1]

Чаще всего невеста подходит к столу, причитая:[2]

— Ой, вы милые мои подруженьки!
Распрощусь я с вами в последний раз!
Ой, опустились мои рученьки!
Подсекло у меня резвы ноженьки!...
Ах, вы умильные мои подруженьки!
А придет к вам весна красная,
А пойдете вы во зеленый луг гулять,
А нарвете вы цветов алых,
А совьете вы на головушку венок!
А ко мне уж венка алого не будет!..

Одно из интереснейших причитаний пропела-проплакала М. А. Котомкина из села Юрьево (Гагино). В мелодию, которая постоянно словно бы обрывается, вносятся опевания, глиссандирования; они и делают причитание похожим на плач. Стиховая основа все время дробится и воспринимается только с музыкой. Уже начальные строки дают представление о том, насколько слово — обрывы способствуют созданию подлинного плача:[3]

— Ой, пропусти...ите-ка,
А вы меня, добры лю...уди,
А вы меня к ду...убову-ту...у столу!
А своеми-те с лю...бимами
подружка...ами!...
И т. д.

Роль жениха в свадебном действе не столь активна. Тем не менее, ей отводится значительное место. Иногда друзья жениха устраивают вечёрку (пранишник, парневник, на которую собираются неженатики), где за скромным угощением поются молодецкие и мужицкие песни, в том числе и прощальные. А при отъезде из родительского дома жених получает

---

[1] Эту же песню с другой мелодией поют на девишнике в деревне Соловьево Княгининского района.

[2] Стиховая основа причитания записана в с. Ивановское (Б. Мурашкино), мелодия утеряна.

[3] См. Нотное приложение, № 18.

благословение, наставления. Если жених — сирота, пелась специальная песня «Долина-долинушка». Перед отправлением свадебного поезда звучала песня «Эх, сад(ы) по горе»:[1]

Эх, сады(ы) по горе,
Эх, сад по горе
Расстилается,
Расстилается.
Эх, зелен-то крутой,
Эх, зелен-то крутой
Расстилается,
Расстилается.
Эх, Ваня у ворот,
Эх, Ваня у ворот
Дожидается,
Дожидается.
Эх, просит себе дар,
Эх, просит себе дар,
Сея сужену,
Сея ряжену.
Эх, вывели ему,
Эх, вывели ему
Коня в седеле,
В золотом хомуте.
— Эх, это мне не дар,
Эх, это мне не дар,
Мне не сужена,
Мне не ряжена.
Эх, Ваня у ворот,
Эх, Ваня у ворот
Дожидается,
Дожидается.
Эх, вынесли ему,
Эх, вынесли ему,
Сундук с добром,
С золотым замком.
— Ох, это мне не дар,
Ох, это мне не дар,
Мне не сужена,
Мне не ряжена.

См.: Нотное приложение, № 19. Песня записана в с. Холязино от Н. А. Маковой (уроженки с. Кламбищи Сергачского района) в 1981 г. В Арзамасском районе в этот момент поется вариант напева — «Вьюн над водой» (песня входит в репертуар народного хора ДК г. Арзамаса).

Эх, Ваня у ворот,
Эх, Ваня у ворот-от
Дожидается,
Дожидается.
Эх, просит себе дар,
Эх, просит себе дар,
Сея сужена,
Сея ряжена.
Эх, вывели ему,
Эх, вывели ему
Красну-девицу,
Красну-девицу.
— Эх, это вот мне дар,
Эх, это вот мне дар!
Это сужена,
Это ряжена!

Жениха славили, когда совершался ритуал отдавания невесты, после выкупа её «девьей красоты» или невестиного деревца. В селе Берёзовка Вачского района пели славу сначала жениху, а потом невесте. Жениху — «Как у месяца крутые рога»:[1]

Как у месяца крутые рога,
У солнышка — очи ясные,
У Ивана — кудри русые.
Подь не сами кудри завились,
Завивали их красны-девушки,
Завивали, приговаривали:
— Вейтесь, кудри, до полою до воды.
Как пола-вода разольется,
У Вани кудри разовьются,
Красны-девушки разойдутся.

Невесте — «Полевая сладка ягодка»:[2]
— Полевая сладка ягодка,
Дорогая гостья Катенька.
Погости в гостях в остаточки

[1] См.: Нотное приложение, № 20. Начало песни напоминает «Таусень» с. Мишуково (он исполнялся на Святки перед домами, где жили неженатики), а далее она совпадает с хороводной «Уж мы сядем под лазоревый кусток» (36, песня № 78, с. 59), где сплетаются несколько мотивов, в том числе и весенний: «Разлилися быстры речки по лужкам».
[2] См.: Нотное приложение, № 21.

У родимой да у мамыньки,
У родимова у батеньки.
— Уж я рада бы погостила,
Мне гостить-то нынче некогда:
Кони вороны запряжены,
Все кареты разуряженые,
Плети вострые припасенные.
Прострелило соловушку во саду,
Душу Катеньку в высоком терему.
А Катенька разбужалася,
Как рыбонька, заметалася.
Из-за горенки во горенку пошла,
Всем подружкам по навесочке дала...[1]

После того, как поезжан и других гостей усаживали за стол, происходило предварительное угощение с пивом и вином. И в зависимости от того, каков характер свадьбы в селе (деревне), как «управляют» ходом свадьбы сваха или дружка, музыка, звучавшая в это время, могла приобретать определенный оттенок. Если свадьба веселая, то участники принимались петь песни-славления всем присутствующим. Причем, в них обязательно фигурировал стол — символ дома, семьи, достатка, мира и благополучия. В селе Мишуково пели «На столике дубовом, дубовом»:[2]

На столике дубовом, дубовом
Стоит чайник со вином, со вином.
Стоит чайник со вином, со вином,
По чашечкам разлитой, ой, разлитой.
По чашечкам разлитой, так, разлитой,
Душа Маша все пила, пила, пила.
Душа Маша все пила, пила, пила,
Себе Колю нажила, так нажила!

В селе Суморьево Вознесенского района этой тематике посвящен целый цикл песен. Обычно начинали с песни, где главные герои жених и невеста:[3]

---

[1] Далее содержание перекликается с концом песни «Снегу не было— навеяло» (См.: Нотное приложение, № 17).

[2] См.: Нотное приложение, № 22. (Бытует вариант этой песни с развернутым сюжетом).

[3] См.: Нотное приложение, № 23. Весь цикл интонируется на один и тот же напев.

У стола, стола ли кра...аснывa, ды,
Спротив зеркала хруста...альнова,
ды,
Тут стоял-стоял Ива...анушка, ды,
Он часал ли свои ку...удрюшки, ды,
Он часал ли свои ру...усые, ды,
Он часал ли пригова...аривал, ды:
— Прилегайтесь, мои ку...удрюшки,
ды,
Ко мому лицу, ко бе...елому, ды,
Ко мому лицу румя...анному, ды.
— Не пляши, душа-и Ка...атенька,
ды,
Не пляши, душа-Ива...анывна, ды.
У нас водочка поку...уплена, ды,
На свои деньги крестья...анские, ды,
На рученьках все мозо...олюшки, ды,
Со тяжелою рабо...отушки.

Затем в центре внимания оказывается сваха, а за нею и сват:

— Хыроша ты, наша сва...ахынька,
ды,
Во саду сваха повы...ыросла, ды,
Калачами сваха вы...ыкормлена, ды,
Сладкою водой повы...ыпила, ды.
— Ты послушай, наша сва...ахынька,
ды,
О тебе ли, а мы пе...есенку поем,
ды,
Не тебе ли, а мы честь, честь
воздаем.
Разувайся'д, распоя...асвыйси, ды,
С нами, девками, распла...ачвайси,
ды,
Ни рублевой, ни полти...иною, ды,
Золотою одной гри...ивною, ды.
Гривна ребром станови...илася, ды,
Красным девкам вороти...илася!

В песне, посвященной свату, «новыми» являются первые четыре стиха, а затем (со слов «разувайся'д, распоя...асвыйси, ды») идет повтор:

— Хорош, пригож наш ли
сва...атушка, ды,

Широка твоя боро...одушка, ды,
Твои кудри на плеча...ах лежат, ды,
Словно жар они горя..., ой, горят,
ды.
Разувайся'д, распоя...асвыйси, ды...
И т. д.

Отдельные элементы славлений «У стола, стола ли красныва» напоминают поэтические обороты песен-величаний, которыми встречают дружку, сваху в момент приезда свадебного поезда. Такие же красочные определения, как «широка бородушка», «золотая гривна» чаще всего относят к свату, свахе — людям женатым, достойным и небедным.

Описывая свадебный обряд села Берёзовка, близкий по характеру первому виду, мы заметили, что роль дружки здесь не столь яркая, как это бывает в свадьбе второго вида, там, где плачей почти нет или они вводятся только потому, что «так исстари велось». В таких свадьбах дружка не только глава поезда, но и распорядитель всех событий. Обычно это — человек талантливый, обладающий чувством юмора, умеющий с достоинством выйти из самых разных ситуаций. Он должен знать наизусть все перипетии свадебного действа, множество приговорок, присказок, прибауток, песен.[1] Дружка мог «закрутить действо, включить в него всех членов свадебного поезда («бояр») и своих помощников — подружье, тысяцкого.

Вот только небольшой фрагмент из свадебного поезда с участием дружки. Он первый подходит к избе невесты и начинает монолог: — Я, дружка малый, встаю на резвы ножки, на сафьяновы сапожки! По лесенке иду, по рябиновой иду! По мостику иду, по калинову иду. Мостик-то прошел — в теплу горенку вошел!

Дружка обращается к родителям невесты: — А хозяин с хозяюшкой! Нет ли у вас под порогом корыта с гущей, чтоб мне, дружке младому да удалому, ножки не обмочить, сафьяновы сапожки не измарать?

Родители отвечают: — Как же, как же! Стояло корыто, так из него свиньи все поели. Проходи, не бойся, не измараешь ножки — сафьяновы сапожки!

---

[1] На севере Нижегородской земли дружка вставлял в свадебные диалоги и обращения множество молитв, обязательных в свадебном обряде прежних времен.

Дружка: — Скок-поскок, насилу руки-ноги переволок![1]

Оборачиваясь к красному углу, дружка крестится трижды, произнося: — Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь! И продолжает: — Шаг шагну — постою! Другой шагну — постою! Третий шагну — назад погляжу: все ли поезжане во дворе стоят? На месте ли жених? Вроде на месте. Я подружка младой, петушок хохлатой, зверь мохнатой![2] Мы приехали к вам, гости жданые. Свахонька да сватушка! Есть ли для моих гостей столы дубовые, стулья кленовые, скатерти браные?

Девушки-подружки выстраиваются стенкой.

Дружка: — Дайте мне дороженьку, дружке младому, да поднесите чару вина зеленова!

Подружки поют величание дружке, выносят рюмку на подносе и требуют выкуп.

Дружка: — Не для того пил я вина, чтобы быть пьяному, а для здоровья нашего князя новображного, да здоровья хозяина со хозяюшкой, да и всех присутствующих! А теперь подойду поближе, поклонюсь пониже, побью челом, покланяюсь!

Девушки снова не пускают дружку, расписывая достоинства молодой «княгини»: и красавица, и мастерица на все руки. Следует основной выкуп — косы, девьей красоты, деревца и т. д. — как принято в данной местности. Вновь высмеивается «скупость» дружки, «кривое блюдо».

Наконец, соблюдены все ритуалы. Жених садится к невесте. По обычаю их сажают на полушубок, вывернутый мехом наверх.[3] Все угощаются разными блюдами, молодым подносят

---

[1] Говоря о Сибирской свадьбе и приводя при этом тамошний вариант реплики дружки («Скок через порог, едва ноги переволок, мохнатой зверь да на богатой двор»), Н. А. Миненко объяснял его так: во-первых, дружка должен был действовать стремительно, иначе свадьба могла пойти «не так»; во-вторых, фраза скрывала смущенье человека, который должен был увести из дома взрослую дочь главы семьи (28, 228).

[2] Упоминание меха на свадьбе — к добру: мех отгоняет злые силы, мех — знак будущего достатка.

[3] Мех как оберег применяется также в момент благословения молодых к венцу: жениха и невесту ставят на вывернутый тулуп (слияние в одном обряде примет язычества и христианства); мех обязателен и в убранстве комнаты для молодых.

блюдо с традиционными блинами — ритуальной едой.[1]

Наступал тот момент, когда дружка «отпускал» свадьбу: молодых, после благословения родителей, с песней[2] выводили к поезду, усаживали в сани и везли в храм.

СВАДЕБНЫЙ ПИР — «ГОРНЫ» («ГОРНЫЕ»)

Во время самого застолья в доме родителей жениха, которое полностью вел дружка, с помощью сватов, звучали песни — величальные, застольные, плясовые, обрядовые и необрядовые. Свадебный пир носил наименее канонический характер, поэтому здесь было много лирических песен. К концу XIX века на свадебном пиру зазвучала гармоника, городские песни, в XX столетии — частушки. Живут они и по сей день.

Среди величальных песен жениху назовем «Винный наш колодезь», «Кто у нас ли во горенке», «Кто у нас умен, кто у нас разумен» (в народе эту песню называют по припеву «Розан»), невесте—«Сидит наша гостинька выше всех»,[3] сватам — «Из-за гор-горы едут мазуры»; дружке, подружью, молодым мужчинам предназначалась «Полно, полно, вам ребяты, чужо пиво пити», брату жениха — «Как у чарочки, у брательничка».[4]

В величальной невесте обычно рисуется образ умной девушки, которая умеет держать головушку «ниже всех», но при этом выбрать того, кто ей мил:

Сидит наша гостинька выше всех, выше всех!
А держит головушку ниже всех, ниже всех!
А думает думушку крепче всех, крепче всех!

---

[1] Блины — единственное, что если жених и невеста за столом: нужны были силы, чтобы выдержать дорогу в храм, венчание, дорогу в дом жениха и свадебный пир.

[2] В это время вновь могла звучать песня «Вянули в полюшке цветики» (См.: Нотное приложение, № 5) или ее вариант «Топнули кони у Лександры во дворе».

[3] Величальных песен невесте практически не сохранилось. Приводимая выше песня опубликована в сборнике М. А. Балакирева (См.: 2, № 12, с. с. 24—25).

[4] При опросе носителей фольклора выяснилось, что песни «Кто у нас ли во горенке», «Как у чарочки» звучали в то время, когда девушки относили жениху постель, а «Полно, полно, вам ребяты» на просватаньи, когда заводили новое пиво к свадьбе.

Селезень по реченьке сплавливает, сплавливает!
Ванюшка Машеньку выспрашивает, выспрашивает:
— Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?
— Мила-то мне, милёшенька, матушка родна,
Матушка родна!
— Машенька мила, мила, неправда твоя, неистинная!
Неправду сказываешь, все ложь говоришь,
Все ложь говоришь!
Свое сердце тешишь, а мое гневишь,
А мое гневишь!
Селезень по реченьке сплавливает, сплавливает!
Ванюшка Машеньку выспрашивает, выспрашивает:
— Скажи, скажи Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?
Мил-то мне, милёшенек, батюшка родной,
Батюшка родной!
— Машенька мила, мила, неправда твоя, неистинная!
Неправду сказываешь, все ложь говоришь,
Все ложь говоришь!
Сама себя тешишь, а меня гневишь,
А меня гневишь!
Селезень по реченьке сплавливает, сплавливает!
Ванюшка Машеньку выспрашивает, выспрашивает:
— Скажи, скажи, Машенька, кто тебе мил,
Кто тебе мил?
— Мил-то мне, милёшенек, ты, господин,
Ты господин!
— Машенька мила, мила, то правда твоя,
Да истиная!
Все ты правду сказываешь, не ложь говоришь,
Не ложь говоришь!
Свое сердце тешишь, мое веселишь,
Мое веселишь!

Если величальные песни невесте стали редкостью в Нижегородской области, то величания жениху встречаются достаточно часто. Особенно богат вариантами «Розан»: «Кто у нас умен» (Гагинский район), «А кто у нас умен» (Вачский район), «Кто у нас моден, кто великороден» (северные районы Нижегородской области).

Несмотря на разные «зачины», варианты в развитии сюжета, эти величальные имеют общее в развитии ритмической канвы поэтической основы: это силлабический текст, в кото-

ром стихи состоят из двух полустиший (5 слогов+6 слогов или 6+6). Ритм стиха определяет и специфику ритма мелодий независимо от их богатства и способов развития многоголосия. Приводим песню «Розан» села Мишуково Гагинского района:[1]

Кто у нас умен, кто у нас разумен?
Розан, ты мой, розан, виноград зелёнай!
Умен у нас, разумен, Николай Иваныч!
Розан, ты мой, розан, виноград зелёнай!
По горенке Коля ходит, на мир наступает!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
На мир Коля наступает, чулок белый не марает.
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
Чулок белый не марает, сапог новый не ломает!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
В зеркало Коля глядится, сам себе Коля дивится!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
— Что я за молодчик, что я за удалый!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
Что я за удалый, что за белый и румяный!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
На коня Коля садится, под нем конь-от веселится!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
Плеточкой Коля машет, а под нем-то конь-от пляшет!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
К крыльцу Коля подъезжает, его Манюшка встречает!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
За белы руки примает, за дубовый стол сажает!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!
За дубовый стол сажает, стакан рому наливает!
Розан, ты мой розан, виноград зелёнай!

Очень интересна величальная песня села Суморьево Вознесенского района «Полно, полно вам, ребяты»:[2]

---

[1] См.: Нотное приложение, № 24. Анализ четырех приведенных выше песен см. в нашей статье «О русском музыкальном фольклоре Горьковской области» (9, с. 11, примеры на с. с. 16—17). Из-за упоминания в величальных жениху винограда песни эти иногда называют «виноградьями».

[2] См.: Нотное приложение, № 25. См. также «Не пора ли нам, ребята» в сб. А. Нестерова: 32, № 73, с. 73.

— Пол(ы)но, пол(ы)но вам, ребяты,
Чужо пиво пить, да, ох!
Не пора ли вам, ребяты,
Свое заводить, да, ох!
Не пора ли вам, ребяты,
Свое заводити.
У нас солод на овине,
А хмель на тычине, да, ох!
На тычине, на елине,
На самой вершине, да, ох!
На тычине, на елине,
На самой вершине,
Тычинушка гнется, гнется,
А хмель выше вьется, да, ох!
Тычинушка надломилась,
А хмель опустился, да, ох!
Тычинушка надломилась,
А хмель опустилси.
Опустилси' д, обломилси
На мать-сыру — землю, да, ох!
Как на мать-то-сыру — землю,
На мой зелен садик, да, ох!
Как на мать-то-сыру — землю,
На мой зелен садик!

В других вариантах этой песни, бытующих, к примеру, в Лысковском и Кстовском районах, подчеркивается плясовой характер этой песни за счет сквозного развития текста. Здесь же течение песни прерывается за счет остановок на междометийных возгласах «да», «ох» и глиссандирования последнего слога каждой строфы.

Помимо специальных величальных песен сватам в некоторых селах поют песню «Из-за гор-горы едут марзуры». Ее одноголосый вариант широко известен в Воротынском районе (села — Кекино, Александровка, деревни — Тришкино, Ледырь), многоголосый — в Вачском районе(села — Берёзовка, Давыдовка):[1]

Из-за гор-горы едут марзуры,
Из-за гор-горы едут марзуры.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 26. Мазуры — люди, занятые на тяжелых корабельных работах.

Едут-едут марзурочки,
Везут-везут мне веночки,
Едут-едут марзурочки,
Везут-везут мне веночки!
Венец не простой,
Венец золотой!
Ехали они при темной ночи!
Ехали они при темной ночи!
Стук-бряк во колечко:
— Выйди, Маша, на крылечко!
Стук-бряк во колечко:
— Выйди, Маша, на крылечко!
Дай коню воды,
Дай коню воды!
— Не могу я встать, коню воды дать!
Не могу я встать, коню воды дать!
Мне матушка приказала,
Чтоб я с парнем не стояла!
Мне матушка приказала,
Чтоб я с парнем не стояла!
Матушки боюсь,
Матушки боюсь!
— Матушки не бойсь, садись на мой конь!
Матушки не бойсь, садись на мой конь!
Мы поедем в чисто поле,
Там нет скуки, нету горя!
Мы поедем в чисто поле,
Там нет скуки, нету горя!
Там и заживем,
Там и заживем!

«ОТГАРНЫШИ»

Свадебный пир в доме родителей невесты («отгостки», «отгарныши», «погарныши»), как правило, не включал какие-либо специальные ритуалы. Это было праздничное застолье[1], продолжительность которого зависела от традиций местности и от степени зажиточности: здесь звучали самые разные песни, в том числе величальные — в честь родителей, родственников, свахи (со стороны невесты), молодых и гостей, корильные песни в адрес новобрачной. Такова, к примеру, «Уж какого Нюра выбрала», бытующая в с. Малое Сескино Дальне-Константиновского района:[2]

Уж какова Нюра выбрала,
Она старова, горбатова.
На горбу-то роща выросла,
В бороде-то мыши гнезда вьют,
В голове-то вши веревки вьют.
Уж какова дали мужа-дурака,
Не умеет подпоясать кушака.
Впереди узлы завязывает,
Позаде концы захлястывает.

Описание всех этапов свадебного действа правобережных и южных районов Нижегородской области не может претендовать на полноту, т. к. остаются неохваченными ряд районов юга нижегородчины, да и в обследованных местностях еще много «белых пятен». Но по мере пополнения знаний, думается, картина станет более объемной. Этот же опыт исследования, надеемся, может стать подспорьем для тех, кто обращается к крестьянской культуре России и занимается проблемами возрождения обрядовой культуры своего края.

---

[1] Свадебные застолья могли длиться долго, переходя из дома родителей молодухи в дома ее ближайших родственников.

[2] См.: Нотное приложение, № 27.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАЛЕНДАРЬ

РОЖДЕСТВО, СВЯТКИ, ВАСИЛЬЕВ ВЕЧЕР (СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД) КРЕЩЕНИЕ (БОГОЯВЛЕНИЕ)

«Святки, святые вечера, так обыкновенно называются в России, да и не в одном нашем отечестве, а и за границей дни празднества, дни веселья и дни священного торжества Рождества Христова, начинавшегося с 25 декабря и оканчивавшегося обыкновенно пятым января следующего года...» — утверждает М. Забылин и продолжает далее — «нет ни одного празднования на Руси, которое бы сопровождалось таким богатым выбором обычаев, обрядов, примет и прочего, так как называемые святки».[1]

Обрядовые действа и обрядовая песенность, связанные с этим периодом жизни русского народа, наиболее всего сохранились в памяти людской.

Сочельник (вечернее время перед Рождеством Христовым) на юге Нижегородской земли ныне отмечается повсеместно, особенно в тех селах, где сохранились храмы, где в семьях живы носительницы древней русской культуры, пожилые женщины, бабушки. И теперь это — сугубо семейное торжество, предваряемое наведением чистоты в доме и приготовлением ритуальной еды.[2]

---

[1] См.: 19, 3. Даты указываются М. Забылиным по старому стилю. По новому счислению Рождество начинается в ночь с 6 на 7 января (со второй половины дня 6 января празднуется Сочельник), в ночь с 13 на 14 — Васильев вечер и старый Новый год, 19 января — Крещение (Богоявление).

[2] Возрождению этого праздника в его подлинности способствует и тот факт, что по ОРТ полностью транслируется Рождественское Богослужение из Главного собора России — Елоховского.

Сведения, собранные у старожилов, неоднозначны. Некоторые респонденты утверждают, что ходили Иисуса Христа славить с пением специальных молитв и со звездой в ночь под Рождество. Этих людей называли «христославцами», «святошниками». Другие вспоминают, что пели рождественские коляды с 7 января. Указываются и разные возрастные группы. Взрослые люди в основном «святошничали», т. е. ходили по домам с молитвами.

Во многих местах поют (одиночно и хором) Рождественский Тропарь «Рождество Твое, Христе, Боже наш», переходящий в Рождественский Кондак «Дева днесь Пресущественного рождает». В Нотном приложении к работе приводятся полностью и Тропарь, и Кондак. Они интонируются на одну и ту же мелодию, ритмически варьирующуюся в зависимости от длины стиха, в варианте, напетом в селе Учуев Майдан Починковского района Е. Н. Павликовой.[1]

Большинство опрашиваемых не разделяет святочных дней, выделяя какие-то действа особо: «Святки, оне Святки и есть». Это отражается и на содержании святочных песен. Таков Таусень, напетый Е. С. Кутузовой из села Хвощевка Богородского района:[2]

Как на Новенький годок,
На Васильев вечерок!
Ой, Таусень!
Ой, Маусень!
Накануне Рождества
Пришла коляда!
Таусина!
Маусина!
— Уж ты, бабушка, ды,
Раз-Варварушка!
Подай пирожок,
Подай другой!
— Я хлебёшки пеку!
И к обедне спешу!
Таусина!
Маусина!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 28. В приложении дан текст оригинала (29, с.с. 94—95) и мелодический вариант, пропетый «по-своему» народной исполнительницей.

[2] См.: Нотное приложение, № 29.

Я на печку легла
И обедню проспала!
Таусина!
Маусина!

Как видим, в этой песенке присутствует Новый год (Васильев вечер), коляда, которая пришла накануне Рождества, бабушка Варварушка, которая не дает пирога, отговариваясь тем, что спешит к обедне, да и сама коляда в разных видах: Таусень, Маусень, Таусина, Маусина.

Из-за временнóго смещения некоторые действа, ритуалы, обряды совершаются дважды. Например, возжигание костров. Когда-то их жгли на Новый год (по старому стилю). Ритуальное их значение — молчаливое приглашение к костру душ усопших предков, чтобы они вышли «из того света» и погрелись у костра. Стоянием у костра воздается дань уважения к ушедшим. Постепенно значение ритуала стало утрачиваться. Костры стали жечь в основном молодые люди, причем, не на Старый Новый год, а на календарный (официально принятый). Действо приобрело шуточный, игровой смысл (к примеру, в Первомайском и Гагинском районах, в селах Шутилово и Мишуково соответственно, «сжигали старый год»), иногда и озорной, ибо солому для костра нужно было непременно выкрасть (в Лукояновском районе /34, с. 13).

То же самое относится и к обряду сеяния в Новый год: «Сеятели» приходили с поздравлениями в утро Нового года (по старому и новому стилю).

Сюжетов колядных песен по правобережью Волги и югу нижегородчины встречается большое количество. Однако можно выделить как наиболее сохранившиеся следующие: «Летел, летел соколок! Через бабушкин дворок»[1] (Гагинский, Лукояновский районы); варианты — «Улетел сапожок через бабушкин дворок», «Упал сапожок» (Ардатовский район, 34, 6), «Летел соколок» (Вачский район), «Таусень!... Летел соколок» (Сеченовский район, 34, 19) и т. д.; «Таусинка! Где, каракулька, была?».[2] (Гагинский район); «Каракулька, таусенька, где ты была?» (Вачский район); «Каракулька-раскаракулька, ты где была?» (Лукояновский район) и т. д. Приведем в качестве примера гагинский вариант:[3]

---

[1] Записан от фольклорного ансамбля села Мишуково в 1930 г.
[2] Записан там же.
[3] См.: Нотное приложение, № 30.

— Таусинка!
Где, каракулька, была?
— Коней пасла!
— А где кони?
— За врата ушли!
— А где ворота?
— Водой снесло!
— А где вода?
— Быки выпили!
— А где быки?
— На гору ушли!
— А где гора?
— Черви выточили!
— А где черви?
— Гуси выклевали!
— А где гуси?
— За тростник ушли!
— А где тростник?
— Девки выломали!
— А где девки?
— Замужья ушли!
— А где мужья?
— Мужья померли!
— А где гроба?
— Гроба погнили!
На печи в углу
Сухари толкут,
Все в осьмёточки кладут!

Говорком:
— Вы трясите и месите!
Вы их в печке испеките!
Подайте курочку
незаломанную,
Незакусанную, а целенькую!
Таусин! Таусин!

По свидетельству Н. М. Кармановой (именно она исполнила закличку в приведенной выше «Таусинке») песня звучала в канун Старого Нового года (т. е. на Маланьин день, 13 января, перед днем святого Василья): во весь день девушки

ходили по дворам и «таусинку кричали», получая за это вознаграждение.[1]

Многократно варьируется и сюжет такой колядки: «Коляда, маледа». Обычно, она в «печи сидит, на нас глядит», а подает ее колядовщикам «тётка-лебедка» или «тётенька добра». Иногда в печи сидят «кокурки» или «каракульки».[2] Колядки с таким содержанием обычно «кричали» дети и подростки.

Большим разнообразием отличаются и величальные таусени. Их пели обычно вечером под окнами того дома, где живет девушка «на выданье» или парни-женихи. Парням пели «Как у месяца крутые рога», «Как у месяца золотые рога» (Починковский район, Наруксово, Учуев Майдан и др.), девушкам — «Таусень! Середи двора да все растет трава!». В награду выносили ритуальные лепешки.

Приведем в пример песню села Мишуково Гагинского района:[3]

Как у светлого у месяца крутые рога.
Ой, та... ой, таусин!
А у сол(ы)ныш(и)ка лучи ясные
горят.
Ой, та...ой, таусин!
А у Ванюш(и)ки — свет русыя кудри.
Ой, та...ой, таусин!
По плечам кудри лежат, ох,
Словно жар они горят.
Ой, та... ой, таусин!
Прирасчёсынаи да приуглажинаи.
Ой, та... ой, таусин!
Тут и ехали бояры
Всё из Нова-города!
Ой, та... ой, таусин!
Оне ехали, любовалися.
Ой, та... ой, таусин!
Что ето за детище воспрощенай?
Ой, та... ой, таусин!

---

[1] Похожий сюжет в «Таусене» села Сар-Майдан Вознесенского района («Таусинки! Стары русенки!»), которую мы приводим в цит. книге (6, с.с. 16—17, Нотное приложение, № 7). В южных районах встречаются и такие варианты: «Таусин, белый русин! На горушечке конек», «Таусин, старый русин...». Некоторые «таусины» начинаются прямо со слов «На горушке конек» (или «Под окошечком конек») и т. п.

[2] Кокурка — булочка с яйцом, каракулька (от «каракуль» — шкурка ягненка) — витая булочка.

[3] См.: Нотное приложение, № 31.

Воспорощила[1] его душа-матушка.
Ой, та... ой, таусин!
Воспоил(ы)-воскормил сударь-
Ой, та... ой, таусин!
батюшка.
Возлелеяла его свет-старшая сестра!
Ой, та... ой, таусин!
Свет-старшая сестра — душа
Машенька!
Ой, та... ой, таусин!
А у Ванюш(и)ки свет-невеста
хороша.
Ой, та... ой, таусин!
Свет-невеста хороша, душа
Дунюшка!
Ой, та... ой, таусин!
Хороша и пригожа, как игрушечка!
Ой, та... ой, таусин!
Как игрушеч(и)ка Дуня-
душеч(и)ка!
Ой, та... ой, таусин!
Она по двору идет,
Словно павынька плывет!
Ой, та... ой, таусин!
Словно павынька плывет —
Кошелек в руках несет.
Ой, та... ой, таусин!
Кошелек в руках несет,
Нам по рублику дает!
Ой, та... ой, таусинка!

Мишуковский таусень «Как у светлого у месяца крутые рога» родственен свадебным величальным жениху (такова славильная песня жениху «Как у месяца крутые рога, у солнышка — очи ясные» села Берёзовка Вачского района). В этом же ключе и величальная села Чернуха Арзамасского района «Вставай, сынок Ванюшка, тебе девки поют».

---

[1] При повторной записи (в 1987 г.) текст изменился: «Возрастила его душа-матушка!».

Любопытен также еще один сюжет, связанный с величанием жениху, в котором присутствуют свадебные мотивы — варение браги, пива, напитков, обязательных при подготовке к свадьбе. Такие песни начинались со слов «Усень, усень! Дома ли хозяин?»[1] или «Посередь двора растет трава» (впрочем сочетание слов «дрова — трава» в начале песни также могло варьироваться). Один из ярчайших образцов припевания парню-жениху — Таусенька села Сар-Майдан, которую напела М. И. Шошина. Мелодическая канва песни — бесконечное варьирование первого интонационного образования, обнимающего семисложный стих «Как спроть этыва двора». В дальнейшем количество слогов в стихах также варьируется — 5, 6, соответственно влияя на ритмическую структуру песни:[2]

Как спроть этыва двора
Разливалася вода.
Как на этой на воде
Расстилалася трава.
Как на этой на траве
Стоит дров костер,
Пени руб(ы) линныя,
Не поленишныя.
    Нам зачем эти дрова?
    Нам пиво варить,
    Нам сына женить,
    Сынка Ванюшку.
Уж нам взять-то — не взять
Красну-девушку,
Красну-девушку —
Душу-Машеньку.
    Он как вьюн-от над водой
    Увива(и)л(ы)си.
    А как Ванька с молодой
    Целова(и)л(ы)си.
Как на речке две дощечки,
По им никто не пройдет!
Один Ванька перешел,
Он и Машку перевел!

---

[1] Этими же словами («Таусень, таусень! Дома ли хозяин?») начинаются и «новогодние» песни, в которых говорится о будущем урожае. Если в величальной далее в диалогической форме рассказывается о том, что хозяин уехал «дровец нарубить», «сына женить» (или «Он уехал в Москву»), то в «новогодней» хозяин «уехал в поле, пашаницу сеять...».

[2] См.: Нотное приложение, № 32.

Одни и те же величальные песни пела в разных местах по разным поводам. Так, «Как у кочета головушка краснёхонька» в Пильнинском районе звучала для девушки «на выданье», а в Починковском — молодоженам. Таусени, которые пелись в честь молодоженов, звучали в честь хозяев дома, и т. д.

Песни могли носить корильный характер, если хозяева дома были известны скупостью и другими свойствами, которые не уважались сельской общиной, например, плохо вели хозяйство. В этом плане интересна шуточная колядка, напетая жителями села Учуев Майдан Починковского района, которую приводим ниже:[1]

— Калида, калида!
Посконая борода!
Ты где была?
— Коней пасла!
— А где кони?
— За вратами стоят!
— А где ворота?
— Водой снесло!
— А где вода?
— Быки выпили!
— А где быки?
— В тростник ушли!
— А где тростник?
— Девки вылымыли!
— А где девки?[2]
— Замуж ушли!
— А где мужья?
— На полатях лежат,
Они лапти плетут.
Один плёл-плёл-плёл,
Кычадык[3] потерял!
Жена нашла,
В пиче сожгла,
Кычерыжкой загребла
И метелкой замела!

Хождения с колядками, таусенями сопровождались чаще всего и ряжением самих колядовщиков. Кто «рядился», ходил

---

[1] См.: Нотное приложение, № 33.
[2] Вариант текста: — А где девки? — За грибами ушли!
А где грибы? — В лесочке растут!
[3] Кычадык — кочедык — специальный крюк для плетения лаптей.

«святками», должны были обязательно искупаться в проруби на Крещение, т. е. смыть с себя все грехи.

По правобережью Волги и югу Нижегородской губернии чаще всего встречались следующие маски: взаимные переодевания, выворочённая шуба (óберег), разные звери (наиболее часто — медведь), «старик», «старуха», «разбойники» («молодцы»), в XIX веке — цыгане, «лекарь», «поп», «купцы», «барыни»... В Арзамасской местности рядились «смертью», т. е. надевали белые одежды, устраивали шуточные похороны (по селу носили «покойника»). Во многих местах молодые парни любили чернить лица сажей, изображая, по-видимому, нечистую силу: чертей, колдунов, ведьм.

«Ряженые» ходили с музыкальным сопровождением: стучали в ложки, чашки, ведра, используя в качестве ударных валёк, стиральную доску, косу, и просто свистели (гармоника появилась в конце XIX— начале XX вв.). Пели не только обязательные, обрядовые песни, — колядки, усени, но и любые другие, в том числе хороводные, игровые, шуточные.

В Святки на улицах разыгрывались целые представления, в которых главным действующим лицом становился «медведь»: переодетый медведем парень показывал сценки из жизни крестьян, крестьянских девушек, танцевал, катался по снегу и «пугал» присутствующих.[1]

В Починковском районе бытовал обычай «сряжаться» пастухом, который «пас свое стадо», ловко свистел и щелкал пастушьим кнутом (бичом), а также обходил дворы и «сеял» овес, пшеницу, рожь.

В местах, где русское население живет черезполосно с мордвой, было принято рядиться в «мордву», т. е. надевать мордовские костюмы, петь песни на «непонятном» языке и вставлять в разговор всяческую абракадабру — «кали-мали» (по созвучию с некоторыми мордовскими словами, например, «ковмо ляляй» — «кали-мали» и т. п.). Одежда же мордвы отличалась сопоставлением очень ярких красок и наличием многочисленных украшений, предметов — тотемов (оберегов), вполне подходящих по внешнему виду к карнавальным аксессуарам.

«Ряженые» приглашались и в избы: увеселяя хозяев, они получали вознаграждение в виде кокурок, каледы, лепешек.

---

[1] В исследовательской литературе имеются упоминания об обычае играть шуточную свадьбу (Дальнее Константиново), «рядиться «паляной» (по-видимому, привидением, оборотнем в белой одежде). С «паляной» разыгрывались разные сцены (34).

пирогов. Принято было угощать колядовщиков овсяным киселем и другой ритуальной едой; например, в Васильев вечер на столе стоял обязательный поросенок или свиная колбаса (кишка).

Любимым занятием сельской молодежи в дни Святок были посиделки. В разных местах они и назывались по-разному: «сидеть в беседках», «в беседах» (Арзамасский район), «на сиделках сидеть» (Гагинский), «на посидках», «на посиделках» (Дальнее Константиново), «в кельях» (Починки, Пильна), «в вечёрках» (Вознесенский) и др. районы.

Эти вечера, устраиваемые по возрастам (12—14, 15—16 и старше) в специальной избе, которую снимали на все время Святок (это могла быть изба, которую использовали для бесед, начиная с Покрова, т. е. с 1 окятбря по старому стилю, и до первого выхода с хороводами и играми «на волю» — в Благовещенье или на Красную горку), обычно, у одинокой женщины, вдовы или старушки, отличались особым настроем: на них не было принято брать работу, тогда как на посидки в будние дни обязательно давалось задание, выполнив которое можно было и повеселиться.

На святочных посиделках молодежь веселилась иногда до утренних петухов, пели песни, водили специальные хороводы с малым количеством движений и с учетом замкнутого пространства: «Подойду, подойду, в Нижний-город подойду», «Как во городе царевна», «Дрема», «Подушечка», «Заинька» и многие другие. Некоторые из них включали игровые действа, большая часть которых выражалась в выборе «царевны», «милой-млады», «красной девы», «мила друга», «боярина» и т. д. и завершалась принародным целованием (в литературе, посвященной обрядам, эти хороводы и игры называются «поцелуйными»).

Почти все из названных выше песен были опубликованы ранее.[1] Хоровод-игра «Подушечка-раздушечка моя пуховая» и пляс «Прыгнул козел в огород» записаны в селе Хвощевка Богородского района от О. М. Прокофьевой. «Подушечка-раздушечка» представляет собой лирический вариант уже публиковавшегося хоровода; его «водили» только взрослые девушки и парни:[2]

---

[1] См.: Список литературы, 6, 7, 9.

[2] См.: Нотное приложение, № 34. При повторной записи второй голос добавила к основному Е. С. Кутузова, поэтому музыкальный пример приведен в двухголосном изложении.

Подушечка-раздушечка моя пуховая.
Ой, лёли,-лёли, моя пуховая.
Кому цветы, кому алы,
А мне красну-деву.
(Вариант: мила друга)
Ой, лёли-лёли,
А мне красну-деву.
Кому вечер, кому вечер,
А мне вечеринка.
Ой, лёли-лёли,
А мне вечеринка.
Кого люблю того люблю,
Этого милую.
Ой, лёли-лёли,
Этого милую.
На коленочки поставлю,
Целовать заставлю.
Ой, лёли-лёли,
Целовать заставлю.
— Целуй, милый, целуй, милый,
Целуй, да покрепче!
Ой, лёли-лёли,
Целуй да покрепче!

Пляс «Прыгнул козел в огород»[1] — вариант хоровода «Садила баба лук-чеснок»:

Прыгнул козел в огород,
Прыгнул козел в огород.
А, барыня, в огород.
Сударыня, в огород.
Всю капусту перглодал. (2 раза)
А, барыня, перглодал,
Сударыня перглодал.
Кочетушки перломал. (2)
А, барыня, перломал,
Сударыня, перломал.
Устюшкина мать добра. (2)
А, барыня, мать добра,
Сударыня, мать добра.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 35. Пляс исполняется и в другие праздничные дни. Однако образ козла (козы) сопровождает именно Святки. Потому так часто «козел» упоминается в колядных песнях: «Прыгнул козел» (вариант) встречаем в Княгининском районе, «Прыгнул козел на небо, коледа-моледа» — в Воротынском. (Эти песни звучали и в Васильев вечер).

Взяла козла за рога. (2)
Сударыня, за рога.
А, барыня, за рога,
Повела да на торга. (2)
А, барыня, на торга,
Сударыня, на торга.
В первом торге рубь дают. (2)
А, барыня, рубь дают,
Сударыня, рубь дают.
Во втором-то два дают. (2)
А, барыня, два дают,
Сударыня, два дают.
В третьем торге три дают. (2)
А, барыня, три дают,
Сударыня, три дают.
Прыгнул козел в огород, (2)
А, барыня, в огород,
Сударыня, в огород!

Во весь святочный период девушки устраивали гадания, основчая цель которых — заглянуть в будущее, узнать судьбу, кто суженый-ряженый, откуда, и когда свадьба; будет ли счастье в семейной жизни, богатство дети...

Способов гаданий на юге области неисчислимое количество[1]; самыми важными моментами, когда гадания наиболее точные и «сбыточные», были ночи на Рождество, Васильев день и Крещение. Т. к. «заглядывание в будущее» считалось великим грехом, гадания совершались при занавешенных иконах, нательные кресты на это время снимались. В некоторых местностях девушки снимали также и пояса—обязательный элемент русской девичьей одежды. Пояс выполнял функции оберега.

Гадания происходили в избе, бане и на открытом месте (во дворе, на улице, на околице, в поле — на девятой меже или вехе) с помощью предметов, окружающих людей, живых существ, примет. Они могли быть иллюзорными (зеркало, вода, изображение), слуховыми (слушали у окон, на улице, в поле); построенными на ощущениях, предощущениях, сновидениях и т. д.

---

[1] Пока здесь не найдены лишь подблюдные гадания, хотя песни, принадлежащие кругу «подблюдных», помнят и поют (такова «Уж я золото хороню, хороню»). Этот обряд сохранился на севере Нижгородской земли.

В книге «Русский народ» (19) М. Забылин приводит многочисленные способы гаданий, из коих большинство совпадает с теми, о которых и по сию пору рассказывают женщины пожилого и преклонного возраста. Это—свидетельство жизненности традиций, сложившихся в народе в течение веков.

Некоторые гадания, разумеется, утратили свою силу на рубеже XX и XXI столетий, но многими и до сих пор пользуются подростки, девушки, молодые женщины: кто из любопытства, кто из убеждения, что будущее можно предугадать.

Разнообразны способы гадания на зеркалах, на воде: здесь действовал эффект долгого ожидания и напряженного всматривания. Интересен и такой вариант: вливание в воду яйца, растопленных воска или олова. В получаемых фигурах пытались увидеть некие изображения —лица, фигуры и т. д. То же самое действо получалось, если на тарелке или сковороде сжигали скомканную бумагу, пучок травы или соломы, а оставшуюся после сожжения кучечку подносили к источнику света так, чтобы отброшенная тень упала на стену.

Слушая рассказы о том, как бросали через плечо, за ворота лапоть, валенок, сапожок (куда носком ляжет, в той стороне и суженый), поневоле вспоминаешь В. Жуковского:

«Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали».

Однако кидали не только обувь, но и веник, кочергу и другие предметы.

Много разных гаданий связано с колодцем: в него смотрели, около него слушали»; колодец «строили» из щепок, спичек в изголовье девичьей постели, на него помещалась подушка: ожидалось, что во сне приедет на коне (придет) будущий муж и попросит испить водицы... Под подушку клали также гребень: какого цвета волос окажется на нем утром, такие волосы будут у жениха.

Интересное гадание устраивали с курицей или петухом: внеся их в избу, ставили у блюдца с зерном (богатый жених), водой (пьяница), с зеркалом («изменщик») и с трепетом ожидали: к какому подойдет, какое клюнет? В некоторых гаданиях участвовала только курица или только петух черной масти.

Там, где еще не забыты заговоры, заклинания, приговоры и т. п., их произнесение обязательно предшествовало самому ритуалу: верили, что в таком случае гадание будет наи-

иболее точным, верным. Там, где они забыты, девушки произносят: «Суженый-ряженый, где ты?» (или — «приди», «отзовись», «покажись», «появись», «подай знак» и т. д.).

Заговоры, заклинания, равно, как и похоронные плачи, стараются не раскрывать посторонним, поэтому они уходят из жизни вместе с теми, кто их хранит и оберегает. Уходят также и гадания: на лучине, на снегу, на золе (в бане); слушанье под окном, у колодца, на земле, т. к. зачастую утрачен их первоначальный тайный смысл, значение.

Выполнение разных ритуалов, предшествующие им волнения, приготовления, ожидания делали жизнь людей интересней, полней.

После всех действ, производимых в период Святок, становились необходимы другие ритуалы — очищения. В Крещение не только купанием в проруби «смывались» все малые и большие прегрешения. Водой, набранной в речке (считалось, что в ночь Крещения вся вода на земле — святая) кропили жилые помещения и пристройки, домашних животных; везде ставили кресты, приговаривая: «Не я крещу, а Иван Креститель».

МАСЛЕНИЦА

В настоящее время существует как бы две Масленицы: идеальная, т. е. та, что живет в воспоминании народном, в описании ученых-этнографов, историков, фольклористов, и та, что несколько десятилетий официально именовалась «Проводами зимы» (или «Встречей весны» и вот уже четыре года именуется Масленицей. Разумеется, что они не совпадают.

Ныне Масленица — всенародный праздник, отмечаемый шумно и весело в последнюю неделю перед Великим постом. Масленица проводится в детских садах, школах и других учебных заведениях, в пятницу она «выплескивается» на улицы и площади городов и завершается воскресным вечером. Устраивается подобие ярмарки, проводятся многочисленные концерты, в которых принимают участие разные самодеятельные коллективы, фольклорные ансамбли и т. п. Несмотря на усилия устроителей таких «массовых гуляний», пока сохраняется положение, которое как раз и противоречит самому понятию «народный праздник» или «обряд»: в первом случае сохраняется «граница» (зритель — исполнитель), во втором — «гра-

ницы» нет и не должно быть по сути, т. к все, участвующие в действе, — творцы, исполнители и сами же зрители.

Необходимо обобщить все имеющиеся сведения о Масленице — празднике интересующего нас региона, чтобы постепенно возродить его в приближении к подлиннику.

Внимательно выслушивая сообщения жителей одного села, но разных возрастных групп, можно заметить разночтения и в них: люди преклонного возраста, к примеру, свидетельствуют, что на Масленицу делали чучело, которое сжигали в последний день, что девушки водили «круги» и пели весенние песни, т. е. призывали поскорее весну, тепло, урожай; пожилые и средних лет уже не помнят ни песен, ни кругов; еще моложе — убеждают, что и чучела не было. И остаются два элемента праздника: блины и катание на лошадях.

Семь дней масленой недели издавна имели свои названия, в которых отражалась суть праздника, его драматургия (46, 164).

Опросы старожилов показывают также, что в сельской местности празднование начиналось с четверга. Среда носила скорее подготовительный характер: ездили на базар, молодые ходили к теще на блины (иногда ходил только зять).[1] Однако блины начинали печь уже с понедельника. В некоторых местах выпекали пряженцы[2], пироги, приготовляли лапшевники, варили кисель, пиво. Неделя считалась «сырной» и в пищу шло все, кроме мяса.

С четверга катались на лошадях вокруг села или нескольких поселков. Коней украшали самодеятельными цветами, лентами, под дугу вешали колокольчики. Катающиеся также выглядели нарядно, т. к. из сундуков доставались яркие платки и шали.

Этот праздник был самый веселый и озорной. Любимой шуткой селян было валяние в снегу: «валяли» (или «солили», т. е. закапывали в снег) молодых, одного молодого[3], прохожих. Парни вываливали в снегу девушек. В некоторых местах это принято было делать в «чистый» понедельник, т. е. уже после прощания с Масленицей: чтобы в первый день Велико-

---

[1] В экспедициях Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (НГУ) обнаружено, что в ряде местностей молодые ходили в гости к теще «отвязываться», т. к. после этого посещения они становились полностью самостоятельной семьей (34, с.с. 48, 49).

[2] Пряженец — лепешка, оладья в масле или блин из черной муки с маслом.

[3] См. также: 6, с. 26.

го поста чистые были. Устраивали также баню (например, в селе Шутилово).

В некоторых местах молодых, идущих к родне, окружали парни и девушки, заставляли прилюдно целоваться. Поэтому молодые «откупались» — угощали всех встречных пирогом или пряничками.

Одно из самых распространенных увеселений — катание с гор (горы, горки сооружали сами, постепенно заливая водой до образования ледяной поверхности); катались на санках, скамейках, донцах. На донцах катались также в «чистый» понедельник — «чтобы лен был высок».

Молодежь сооружала качели — парные и на столбах, карусели (в Воротынском районе); ставили высокие столбы, чтобы проверить ловкость и силу (Дальнее Константиново), на вершину вешали какую-нибудь «приманку» (петуха, курицу, сапоги, а то и коробушку «незнамо с чем», все зависело от зажиточности села, от характера живущих в нем людей).

Забавы масленичного времени не всегда были безобидными. Так, делали «зуду» (или «казан-зуду»): поливали картофелину водой, чтобы на ней образовалась толстая ледяная корка, затем ее перевязывали крест-нáкрест бечевкой (веревкой), со свистом раскручивали над головой и кричали:

— Зуда, зуда! Поди сюда!

Бóка болят — зуды хотят!

Всех встречных норовили этой «зудой» задеть, ударить. От «зуды» хоронились, убегали, но кого-то успевали и «огреть»!

К таким же небезобидным относятся кулачные бои («кулачки», «сгон»). Мужики и парни выстраивались «стенка на стенку», «конец на конец» на околице деревни или на реке. Уславливались, как драться (например, «до первой крови»). Существовали определенные правила кулачных боев.[1] Но иногда, если сходились «село на село» и между противостоящими промелькнула «черная кошка» («увели девушку» и т. п.), бои перерастали в побоища и длились до тех пор, пока не вмешаются старейшины с обеих сторон.

Масленица сопровождалась музыкой. В некоторых селах имелись гармоники, разные шумовые инструменты, балалай-

---

[1] Традиции русских кулачных боев ныне бережно восстанавливаются приверженцами этого вида соревнований, игры. Это искусство борьбы на Руси, оказывается было не беднее, чем восточные единоборства, и отличалось спецификой национальных приемов.

ки, в основном же, молодые люди пели. Из масленичных песен сохранились, распеваемые на мелодию популярной «Ах, вы, сени мои, сени», песни:

Как на масленой неделе
Испекли мы коровай:
Вот такой ширины,
Вот такой вышины...

Или:

Как на масленой неделе
Мы блиночков захотели.
Вы блины мои, блины,
Вы блиночки мои![1]

Молодые люди ходили по улицам и выкрикивали:

Вот Масленица пришла!
Обманщица!
На капусту, на грибы,
На посконны пироги!

Ныне стало общеизвестным заклинание Масленицы:

Ой, казала Маслена:
— Семь недель! Семь недель!
Осталось у Масленой
Один день, один день!

На нижегородчине же был широко распространен такой вариант:

— Масленица! Масленица!
Что ты на семь недель?
Показалась Масленица
За один день![2]

Начиная с четверга ходили ряженые: в Арзамасском районе было принято выворачивать шапки, шубы, чернить лицо сажей (так изображалась нечистая сила), парни и мужчины рядились в женскую одежду; в Первомайском районе (с. Шутилово) также взаимно переодевались.

Само чучело Масленицы было разным. Это — снеговик, как, к примеру, в Лукоянове; соломенная баба (Богородск), чучело, одетое в мужскую одежду (г. Арзамас); чучело из одних веников (Воротынец), из соломы и веников (Дальнее Константиново), только из соломы.

---

[1] Эти припевки не являются обрядовыми. Это — обычные шуточные песенки, происхождение их позднее (скорее — XIX в., что явствует из структуры самого стиха: 8 плюс 7 плюс 6 плюс 6 и 8 плюс 7 плюс 6).

[2] Сообщено в селе Учуев Майдан (без мелодии).

В некоторых местностях Масленицу сооружали на околице, ближе к полю, иногда на площади в центре села. Масленицу сажали в сани и возили по всему селу и только потом вывозили в поле (Починки).

Встречали Масленицу не всегда почтительно: считалось, что она — обманщица. Все понимали, что масленичное веселье — временное, за ним идет семь недель Великого поста. Иногда вслед ей неслись озорные («охальные») частушки. Особенно этим отличалось село Шутилово.

В конце воскресного дня ее сжигали: веники и солома горели особенно ярко. В Воротынском районе (Кекино, Тришкино, Ледырь и др.) кричали:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло![1]

В Дальне-Константиновском районе чучело увозили подальше — на горку — и там сжигали: костер был виден далеко. В Богородске чучело Масленицы сначала распушат, разбросают (одежду использовали неоднократно), а потом сожгут. Жгли и просто костры из соломы и поленьев. Их предварительно собирали по всему селу. Через костры прыгали (огонь — символ очищения). Но и сжигая просто костры, считали, что жгут Масленицу. Вокруг огня устраивали хороводы, игры, вываливали друг друга в снегу. Навеселившись, возвращались домой.

В прощеное Воскресенье в Суморьево Вознесенского района выпекали специальные лепешки из превращенного в муку пшена. Они получались необычного вкуса и цвета, желтые, как желток (солнышко); соблюдалась также и форма: лепешки были очень круглые, подобно светилу.

Некоторые районы все же особо выделяются своими специфичными, неповторимыми чертами. Например, когда-то в селе Мишуково в Масленицу на кулачные бои ходили в соседнее село: дети, бабы, а потом уж мужики. О кулачных боях женского населения помнят и в Починсковском районе.

«Свозы», «съезды» молодых девушек были распространены не только в северном (Варнавинском) районе, но и в ряде южных. Так происходило в Починках. Собранные в «келью» девушки в течение праздника неоднократно переодевались в новые наряды. На таких «кельях» матери высматривали невест для своих сыновей. Собираясь вместе, девушки

---

[1] Эта же закличка используется в Воротынском районе в Петровки при игре «Горелки».

вели степенные разговоры, пели лирические песни, т. е. неприуроченные.

На Масленицу в Починковском районе происходили конные скачки (с. Наруксово), водили по селу «кобылу»: два мужика изображали лошадь, третий брал ее «под узцы», и так ходили по домам, получая вознаграждение.

В ряде мест прощание с Масленицей продолжалось в «чистый» понедельник. Молодые приходили к родителям просить прощения, кое-где устраивали баню, «чистили» девушек в снегу (на весь Великий пост), катались на донцах (к урожаю льна) и т. п.[1]

ВЕСЕННИЕ ОБРЯДЫ, ДЕЙСТВА, РИТУАЛЫ

Существовало несколько дат, связанных с весенними обрядами, действами и ритуалами: встреча Зимы и Весны (Сретенье, 15 февраля), день весеннего равноденствия (Сороки, 22 марта), «Весна Зиму поборола» (Благовещенье, 7 апреля), первый выгон скота (Георгий Победоносец, в народе — Егорий Хоробрый, 6 мая), первая борозда (сроки менялись в зависимости от погодных условий).[2]

Часть этих праздничных действ постепенно перешла в детскую обрядность, взрослое же население исполняло только те обряды, которые были связаны с церковными установлениями. Один из самых жизнерадостных праздников — день весеннего равноденствия — отмечался всеми: от мала до велика. В этот день и по сию пору выпекаются жаворонки.[3] Дальнейшие действия и ритуалы разнятся в зависимости от традиций, сложившихся в данной местности.

В Богородском и Вачском районах дети выбегали на околицу или на зады», подбрасывали «жаворонков» и выкликали:

---

[1] Возможно, со временем обнаружатся еще какие-то специфические черты нижегородской Масленицы. Возрождая этот праздник в каждой деревне (селе), нужно помнить об этом.

[2] С первой бороздой и выгоном скота когда-то ходили поздравлять волочебники (см.: 6, с. 28—30; 37, с. 45).

[3] Выпечение жаворонков, по-видимому, считалось безобидной забавой и потому сохранилось повсеместно.

— Жаворонки! Жаворонки!
Прилетите к нам!
Красно лето
Принесите нам!

В селе Юрьево (Гагино) жаворонков лепили словно из глины: старательно делали лапки, хвостик, намечали крылышки, на место глаз «сажали» конопляные семечки.

Старейшины мишуковского фольклорного ансамбля М. А. Афиногенова и Н .М. Карманова рассказывали о том, что жаворонков закликали на проталинках («Жаворонки, ноги тонки») и пели им песню «Жавороноч(и)ка, прилети ты к нам» (ее напев совпадает с тем, который получает богатое многоголосное развитие в таусене «Как у светлого у месяца крутые рога»).

В Вознесенском районе обряд зазывания жаворонков представлен наиболее полно. Здесь дети прикрепляют жаворонков на шесты, забираются на крыши разных хозяйственных построек и подкидывают шесты, выпевая:

— Уж вы жаворонки!
Жавороноч(и)ки!
Прилетите вы к нам,
Принесите вы нам
Весну красную,
Тепло летич(и)ко!
Нам зима-то надоела,
Надоскучила!
Ручки, ножки
Отморозила!
Бело личико попортила!
Кулики, кулики!
Оставляйте пуд муки![1]

В Починковском районе образ лошади проник в закличку про жавороночка:

— Жаворонки, прилетите!
Зиму «долгу» унесите,
Красну весну принесите

---

[1] Эту закличку сообщил молодежный фольклорный ансамбль села Сар-Майдан. Пели ее одноголосно. Поэтому в Нотном приложении приводим родственную ей песню «Жаворонычка» села Суморьево, соседнего Сар-Майдану, в которой присутствует многоголосие, вообще свойственное культурной традиции Суморьева. (См.: № 36).

С сохой, с бороной,
С лошадиной головой!

В Учуевом Майдане жаворонков привязывали за ниточки к трубам домов. Этот обычай местные жители не объясняют никак: «Чай, всегда так было».

Специальных закличек, посвященных весне, в Нижегородском крае не сохранилось, ровно, как и магических действ, заклятий.[1] Весна воспринимается людьми как период жизни, в котором нужно проявлять заботу обо всем, что окружает: о близких, о домашних животных, о главных кормильцах — коровах, лошадушках (недаром, на выгоне скота используется оберег — верба), о земле. Поэтому внимание переключалось на орудия труда.

В. И. Чичеров в книге Русское народное поэтическое творчество» замечает, что пробуждению природы посвящались лирические песни, которые пелись в основном девушками (43, 164). Он приводит текст такой песни:

Веселитеся, подружки,
К нам весна скоро придет,
Весна придет, сгонит снег,
Сгонит с гор снег, белый мороз.
Разольются быстры речки,
А все мелки ручейки...
И т. д.

В Нижегородской области имеется вариант этой песни, к основному тексту в ней присоединяется еще текст с любовным сюжетом (т. е. здесь контаминированный). Приводим ее полный вид:[2]

— Веселитесь-ка, мои подружки!
Скоро, скоро к нам весна придет!
Скоро, скоро к нам весна придет!
Весна красная проглянет,
Снежки сгонит с гор(ы)-те...е вода.
Снежки сгонит с гор(ы)-те вода!
Расцветут цветочки алы,
Всё ракитовы оне...е куста.

---

[1] Веснянки хорошо сохранились в Брянской, Смоленской областях, в Белоруссии, на Украине.

[2] См.: Нотное приложение, № 37. Песня записана в 1978 г. от дуэта Н. А. и Т. С. Ложкиных из с. Сухо-Безводное Кстовского района.

Всё ракитовы оне куста.
Я вечор свово милова
Приглашала яво но...очавать.
Приглашала яво ночавать:
— Ты ночуй, ночуй, мой милай,
Ночуй ночку, милай, у... у меня!
Ночуй ночку, милай, у меня!
— Я бы рад бы ночавати,
Боюсь до свету, мил(ы)ка...а
проспать!
Боюсь до свету, милка, проспать!
— Ты не бойся, не пасайся!
Я сама ранёшен(и)ка...а встаю!
Я сама ранёшенька встаю.
Я сама пораньше встану,
Да подальше тебя про...овожу.
Да подальше тебя провожу.
Провожу дружка милова
Вплоть до зеленых-те лужков.
Вплоть до зеленых-те лужков.
До зелены(и)х лужечков,
Где скончалася с милы... им
любовь.
Где скончалася с милым любовь.
Где скончалась, распрощалась —
Посвят-речка быстра про...отекла.
Посвят-речка быстра протекла.
Посвят-речка, Посвят быстра,
Не широка она, глу...убока.
Не широка **она, глубока.**
Не широка она, не глубока —
С крутым бережком она...а ровна.

Песня «Веселитесь-ка мои подружки» звучала с Благовещенья. И если весна была ранней и теплой, то в это время игрались первые хороводы. Но если весна затягивалась, хороводы начинали водить с Красной горки (после Пасхи, с Фомина воскресенья) и даже позже. Это были подчас настоящие драматические представления. По кругу («по солнцу»), взявшись за руки, шли степенным шагом девушки и парни и пели хороводную песню; остальные (к примеру, «лебедь», и «ясен-сокол», «красна-девица» и «милый дружок» изображали происходящее. Иногда отдельные ситуации (в сюжете могли возникнуть неожиданные повороты) требова-

ли как бы «пояснений», действий руками. Эта особая жестикуляция в народе называлась «рассуждениями» (43, 166).

Водились хороводы, в которых обязательно требовались ведущие. Они назывались в народе «хороводниками», «хороводницами», «коноводами» или «запевалами», им подчинялись все остальные; в процессе развития выписывались разные фигуры, круги, змейки и т. п.

Распространен был хоровод «стенка на стенку», где в диалогической форме (вопрос — ответ) выяснились взаимоотношения двух групп. Таков «А мы просо сеяли, сеяли». М. Забылин считает, что этот хоровод остался в народной традиции с дохристианского периода, когда бытовал обычай совершать игры «межи селы», во время которых выбирались невесты (19, 115—116). И только позже он стал входить в разные весенние действа и праздники.

Во время Красной горки молодежь устраивала весенние качели, игры, хороводы, которые носили откровенно лирический характер и имели целью выбор жениха или невесты. В Нижегородской области до сих пор излюбленным считается «Из-за лесику». Бытует он во многочисленных вариантах (в том числе и как свадебная песня), но все они повествуют о о том, как два «молодцы» решали спор — кому достанется красна-девица.

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ: «ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ», ПРОВОДЫ ВЕСНЫ (ЯРИЛО), КУПАЛО И ПЕТРОВ ДЕНЬ

«Зеленые святки»» или «Русальная неделя» — седьмая неделя после Пасхального Воскресения[1] включает «Семик» и различные действа в Троичное воскресенье, после утренней церковной службы[2], а также события, происходящие в «Духов

---

[1] В дохристианский период это был Велик день, совпадавший по календарю с христианской Пасхой, т. к. точно также приходится на срок после первого весеннего полнолуния (он по подсчетам следовал после дня весеннего равноденствия). «Семик», следовательно, праздновался в седьмую неделю после Велика дня (Пасхи), в четверг.

[2] Сама Троица (50-й день от Пасхи) по содержанию никак не соответствует земледельческим обрядам. Это выражение основной сути христианского вероучения — триединство: Святой Дух — Бог-отец — Бог-Сын).

день», сразу после Троицы, т. е. в понедельник и во вторник. «Зеленые святки» замыкали таким образом первый круг весенних обрядов и открывали второй, завершавшийся в июле (12 числа, в день святых Петра и Павла).

На юге Нижегородской земли много вариантов празднования Семика и Троицы. Есть места, где присутствует только Семик или Троица, но имеются и такие села, где Троица идет вслед за Семиком.

Сохранились воспоминания о том, что в Семик «рядили куклу» — «Семика» или «Семичиху» и даже обоих, носили по улицам с пением песен, а затем топили в реке. «Семиком» называли также наряженную березку.

В дни «семицких» праздников часто звучали песни о березе — величальные и хороводные. Особенно интересен парный хоровод, который сообщила в селе Поляна Больше-Мурашкинского района Т. А. Фролова «Выду, младенька, погуляю» (вариант общеизвестной песни «Во поле береза стояла»): в первом — действующие лица — «молодая жена» и «старый муж», во втором — оба молодые. Приводим первый вариант:[1]

Выду, младенька, погуляю,
Выду, младенька, погуляю,
Люли, люли, погуляю,
Люли, люли, погуляю.
Белу березу заломаю.[2]
Люли, люли, заломаю.
Срежу я, млада, два пруточка.
Люли, люли, два пруточка.
Сделаю я, млада, два гудочка.
Люли, люли, два гудочка.
Третий — новые гуселечки.
Люли, люли, новые гуселечки.
Буду я в гуселюшки играти.
Люли, люли, да играти.
Старыва мужа разбужати.
Люли, люли, разбужати.
Стань-ка ты, старый муж, проснися.
Люли, люли, да, проснися.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 38.

[2] Все последующие стихи и припевные строки исполняются по два раза.

Вот тебе помоицы — умойся!
Люли, люли, да умойся!
Вот тебе утирочка, утрися!
Люли, люли, да, утрися!
Вот(ы) тебе в яму провалися!
Люли, люли, провалися!

Такая песня пелась мужу, который не пускал молодую жену в хоровод, хотя в русской общине было такое правило: молодые ходили в хороводы пока не появятся дети; иногда муж разрешал уходить к подружкам — «на круги».

В поля ходили дети, подростки и девушки. В селе Мишуково девушки рано утром готовили яичницу-глазунью по числу участниц, прятали ее («чтобы парни не нашли и не съели»), несколько девушек переодевались в мужские костюмы, заранее наряжали «падоги», готовили ленты, цветные тряпочки, пряники, конфеты для украшения дерева (по традиции здесь наряжали дуб). А потом в лугах играли в разные игры, водили традиционные хороводы, под песню «Все мы, девушки, гуляли» гадали на веночках:[1]

Все мы, девушки, гуляли,
Во лугах цветочки рвали,
Веночки плели,
Веночки плели.
На веночках загадали,
Венки в речку побросали:
— Чей венок всплывет?
Чей венок всплывет?
Одна девушка бросала,
Во слезах слово сказала:
— А мой потонул.
А мой потонул.
Все мы, девушки, сбежались,
Утешать ее старались:
— Нет, не потонул!
Нет, не потонул!
Твой венок в волнах ныряет,
Милый клятвой заверяет:
— Хорош, верен был!
Хорош, верен был!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 39.

В Учуевом Майдане (Починки) бытует мелодический и текстовой вариант этой песни. В нем есть дополнительно строфы в начале и конце. Зачин таков:

Как на этой на долинке,
На широкой луговинке,
На мягкой траве
На лазоревой
Там девчоночки гуляли,
Во лугах цветочки рвали...
И т. д.

В конце же девушка, к которой обращается хоровод, отвечает:

— Венок потонул,
Милый обманул!

В селе Юрьево, расположенном по соседству с Мишуково на другом берегу реки Пьяны, девушки наряжались в барышень и кавалеров, приносили из леса ветви березы, украшали дома и пели специальные хороводные песни, в припеве которых вместо привычного «Ой, люли, люли» имелось восклицание «Ой, ой!». Эти песни так и назывались «Йокальными». По прошествии праздника вспоминали: «У нас «йоканье» было».[1]

В селе Суморьево Вознесенского района празднование Семика ныне объединяют с Троицей. Здесь поют в этот день «Садил монах, ой да, мать-черемуху»:[2]

Садил монах,
Ой да, мать-черемуху
Под кра...под красным окном.
Под красным окном.
Расти, расти,
Ой да, мать-черемушка,
Тонка, тонка, высока.
Тонка, высока.
Цвети, цвети,
Ой да, мать-черемушка,
Как че...как чёрная грязь.

---

[1] Старожилы уверяют, что «йоканье» было и в других селах Гагинского района, но нам уже не удалось записать эти песни.

[2] Е. И. Кулыгина запевала, и все члены фольклорного ансамбля считают, что это песня — обрядовая, троицкая. По исполнительской манере, особому типу распева она ближе «проголосным». См.: Нотное приложение, № 40.

Как чёрная грязь·
Раздуй, подуй,
Подуй, бурь-погодушка,
Раздуй, раздуй лазоревый цвет!

Интересен еще один вариант празднования Семика: «В Семик девушки выбирали из своей среды Семика и Семичиху, во главе с ними ходили по дворам, собирали молоко и яйца. Пели: «У вас рожь густа, мы кажем Семика! Семику — яичко, Семичихе — молока! Подайте яичко!». Из собранного одна из женщин делала им в Троицу яичницу. В Троицу девушки ходили «ломать березку»: украшали ее, срубали и несли к реке, там пели, плясали вокруг нее, потом бросали в воду» (34, 96). Обряд интересен тем, что Семик и Семичиха — не куклы, не чучела, а живые люди·

Через неделю после Троицы (в восьмое воскресенье после Пасхи) праздновался последний весенний день: «весну провожали» (в Лукояновском, Первомайском, Гагинском районах); «каронили» (т. е· хоронили) Весну (в Воротынском, Гагинском районах); «провожали Соловушку» (Починковский район); «хоронили Воробья» (Лукояновский район); «хоронили Строму» (т. е. Кострому), «веснушку» (Первомайский район); «рядили лошадиную голову» (Гагинский район), «водили чучело коня» (Сергачский район), «рядили кобылу», «лошадью наряжались», «коня продавали» (Сеченовский район)· Несмотря на вариативность элементов, входящих в обряды, они имели одну, объединяющую их идею· Это было «представление об умирающем и воскресающем боге растительности» (43, 169) вариативность же, как присущая устному творчеству изменяемость, зависела от индивидуальной трактовки в определенной местности.

Вот один из обрядов: в селе Шутилово Первомайского района каждый год делают три или четыре куклы («баушки»).[1] Когда-то их начинали делать за неделю («загодя»), потом — в четверг, а ныне — в субботу. Чучело снабжают деревянным каркасом, чтобы могло держаться вертикально сидеть; набивают травой (или прошлогодним сеном)· Обряжают чучело подручным материалом — у кого что найдется:

---

[1] Две «баушки» — на разных улицах деревни: въздной и перпендикулярной к ней (на этой улице делают две Стромы); в «кутке», небольшом проулке, где заводилой выступала Н. Е. Симоненкова. В последнее время Строму сооружают и дети на новой улице поселкового типа.

на голову — платочек, на туловище — сарафан или юбку с кофтой, на ноги — чулочки и лапотки (калоши), на руки — перчатки (в том числе, медицинские, монтерские) или варежки. Лицо бесхитростно разрисовывают или прекрепляют маску.

Все приготовленные чучела выносят на улицу и сажают на скамеечку у изгороди. Рядом — хозяйка дома, соседки, дети. Около Стромы ставят корзинку или котому. Идущие мимо останавливаются, здороваются, распрашивают про здоровье, о родных — близких и т. п. «Строма» неторопливо отвечает (за нее говорят хозяйка да соседки). Ответы из года в год варьируются, т. к. ежегодно разыгрываются все новые сюжеты. По одному из них Стромушка при жизни — великая труженица, несмотря на «преклонный возраст» выходила в поле работать, помогать соседям. В плетенную корзину для Стромы складывают — кто чем богат: яичко, пирожок, конфетку, пряник, перышко зеленого лука...

К ночи Строма «занемогла». «Занедужилось» и всем ее приятельницам. Весть об этом по селу разносят детишки и молодежь.

К утру все баушки «примерли». И положили их на улице на легчайшие носилочки, под изголовьице — траву шелковую, покрыли белыми покрывалами, цветами полевыми приукрасили.

Постепенно вокруг каждой Стромы собирается народ — люди разные, свои и приезжие, прибывают «родственники» из разных мест, оттого и ситуациии обыгрываются по-разному. Главные действующие лица здесь — старые и пожилые женщины, которые помнят все предыдущие «проводы» («похороны»), и потому каждый раз обновляют «сценки» новыми штрихами, присловьями, шутками, прибаутками. Все надевают самые лучшие «сряды», есть и «ряженые»: «солдат», «цыганка», мужчины, переодетые в женские одежды, «священнослужители».

Характерно, что веселые песни, частушки и пляски перемежаются плачами, тексты которых не закреплены, т. е. варьируются по обстоятельствам, но все интонируются на мотив бытующего в Шутилово похоронного причитания. Вот один из таких плачей, исполняемых «сестрой» Стромы (И. С. Брызгаловым):

— Ой, родимая ты моя,
Дорогая ты моя,
Милая ты моя сестрынька,

Государыня моя, мамынька!
В подголовоньке— травынька![1]
И т. д.

То, что после причитаний следуют «потешные» разговоры, песни, пляски, частушки (в том числе и «охальные»), вполне понятно: ведь смерть-то здесь — не настоящая, взаправдашная, а шутейная!

Иногда в обряде принимают участие «батюшки!, приходящие «отпевать» Стромушек. Их роль «играют» пожилые мужчины, одевающиеся как можно смешнее. Один из них облачается в драный сатиновый халат («рясу»), на голову надевает видавшие виды шапку, бороду прикрепляет из пакли. Вместо кадила в руках держит старую алюминиевую кружку на бечевке (или консервную банку), внутри тлеет вата. «Батюшка», подражая тем сельским дьячкам, которых в свое время видел и слышал, имитирует отпевание, «отчитывая» Строму.

В полдень всех «баушек» несут на площадь, процессии сопровождаются гомоном, веселым смехом, игрой на гармониках, пением частушек. Народ стекается на площадь с разных концов села. Зрелище напоминает карнавал. После небольшой остановки все направляются за село, к полю ржи. Там прощаются со стромушками и со словами, «чтобы рожь была густа да ужиниста», разбрасывают траву (сено), которыми были набиты чучела, по всему полю. Одежду забирают и хранят до будущего года.

Возвращаются в село, накрывают на улице столы. На столы приносят всякую снедь — кто чем богат: пироги, яйца крашеные молоко, самовар, сладости. И начинаются веселые «поминки».

В этот же вечер в селе было принято играть в карты («на деньги»), «катать яйца»[2] и ходить с головой Лошади: один человек нес «череп», двое других натягивали простынь, изображая туловище; ходили по домам, пугали встречных, стучали в окна, двери, просили угощения. Песни не пели, но озорно шутили... Обряд хождения с Лошадью исполнялся исключительно мужчинами (парнями).

Действа, открывающие летние обряды, связаны с именами Ярилы, Ивана Купалы и святых Петра и Павла. Иван Купала и Петр — Павел проходят строго по календарю — 7 и

---

[1] См.: Нотное приложение, № 41.
[2] Об игре «катания яиц» см.: 6, с.е. 30—31.

12 июля соответственно, с именем же Ярилы возникает некая путаница, и в различных местах о нем разные воспоминания. Прежде всего, старожилы не всегда могут объяснить, кто такой Ярила; в некоторых местностях его просто олицетворяют с Иваном Купальным и отмечают в это же время; в других — перед Троицей («Ярилы») и в день, когда «весну провожали» (т. е. в следующее за Троицей воскресенье), и после заговенья на Петров пост во вторник или воскресный день. Так что если Петров пост короток (как, к примеру, в 1994 году — с 27 июня по 11 июля), то Ярила может приблизиться к дню Ивана Купалы и к Аграфене Купальнице (6 июля).

В любом случае, действия, связанные с Ярилой, напоминают то, что происходит на Аграфену Купальницу и Ивана Купалу (6—7 июля): обливают друг друга водой, бросают в реку или пруд, водят хороводы, жгут костры. Сохранились сведения о том, что на Ярилу устраивались драки: парни тузили друг друга «из-за девок».

Т. к. повсеместно происходит возрождение древних традиций, не лишне напомнить, что Ярило у древних славян был богом солнца наравне с такими богами, как Световид, Хорс, Даждьбог (см. 21, 8). С ним был связан праздник летнего солнцестояния в июне (24 — по старому стилю, ныне — 7 июля, т. е. Иван Купала), когда с горы к реке скатывалось тележное колесо — солярный знак солнца. Это действо символизировало откат солнца на зиму (обратное действо было в декабре, в день зимнего солнцестояния, когда происходил поворот солнца на лето).

Л. Баженова пишет: «С летним солнцеворотом» связан славянский праздник Купало. День летнего солнцестояния... В этот день солнце (Хорс, Коло) в нарядной колеснице из своего небесного чертога выезжает навстречу месяцу — своему супругу День летнего солнцестояния — время наивысшего развития творческих сил природы. В это время Ярило или другие божества мужского семени выполнили свою миссию, ибо брошенное в землю зерно проросло, дало всходы. Поэтому Ярило, Купало (купа — куст, сноп растений, травы) могут и должны умереть до следующей весны.

В ночь на 24 июня был обычай не спать: караулить встречу месяца с солнцем, чтоб видеть, как «солнце грае». Славяне уходили на ритуальные холмы... или на поляны у рек, жгли костры, пели, водили хороводы, ручейки. Прыжки через костры были одновременно испытанием ловкости и су-

дьбы: высокий прыжок символизировал удачу в замыслах. С шутками, притворными плачами и непристойными песнями, сжигали соломенные куклы Ярилы, Купалы, Кострубоньки или Костромы... На рассвете все участвовавшие в празднике купались, чтоб снять с себя злые немощи и болезни.

В купальскую ночь, по преданиям, происходили всякие чудеса: цвели редкие загадочные травы — разрыв-трава, папоротник и т. д.: открывались невиданные клады. Нечисть — ведьмы и колдуны — тоже предавались всяческому разгулу... Из слияния названия языческого славянского праздника Купалы и Иванова дня (имеется в виду Иоанн Креститель) явилось новое название праздника — «Иван Купала». (21,9—10).

В «Мифологическом словаре» в статье, посвященной Ярило, этот мифологический и ритуальный персонаж также связывается с идеей плодородия вообще (корень «яр» — jar соотносится с представлением о яре, первородной силе). За неделю до Ивана Купалы Ярило — молодой, перед Иваном Купалой—старый Ярило. В Белоруссии в празднование Ярилы из глины лепились две фигурки — мужская (Ярило) и женская (Ярилиха), в ночь — обе фигурки разбивались и выбрасывались в реку. Там же сохранилось начало хоровода, который водили девушки по только что засеянной ниве:

Волочился Ярило
По всему свету,
Полю жито родил,
Людям детей плодил.
А где он ногою,
Там жито копною,
А куда он взглянет,
Там колос зацветает.

Когда-то Ивана Купалу на земле Нижегородской праздновали так: на берегах рек или озер раскладывали костры, зажигали их к вечеру вокруг них водили хороводы, молодые люди прыгали через костры. А в ночь на Ивана Купалу ходили в лес — собирать лечебные травы. При этом пели (или проговаривали) песню: «Ох ты, гой еси, Сыра-Земля».[1] То был своеобразный заговор — оберег против всякой нечистой

---

[1] Текст песни и воссозданный напев к ней см.: 6, с. 24, нотный пример № 26.

силы, которая только и искала возможности навредить людям. Потому в эту короткую ночь спать не ложились.

О праздновании дня Петра и Павла интересно рассказывают в Починковском районе. Там нарядных девушек свозили в «кельи»: за вечер наряды сменялись неоднократно. Девушки не просто «сидели»: пелись песни и устраивались игры, когда приходили молодые парни. Репертуар этих вечеров ничем не отличался от «набора» песен и плясов, звучавших и на других посиделках: специальные песни, посвященные Петру и Павлу, не пелись уже в начале XX столетия.

С Петра и Павла (иногда и раньше) начинался зеленый покос: «Петр с колоском — Илья с колобком».

ЛЕТНИЕ И ОСЕННИЕ ДЕЙСТВА, ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ

Лето в России — короткое: с конца июня и по второе августа — день Ильи Пророка, когда начинается переход к осени. Лето провожали с дня медового Спаса и в течение второго, яблочного, и третьего, хлебного Спасов (14, 19 и 29 августа). За этот промежуток проходили два больших христианских праздника — Преображение Господне (19 августа), совпадающего с яблочным Спасом, и Успения Пресвятой Богородицы (28 августа), накануне хлебного Спаса.

Красиво когда-то праздновался яблочный Спас (Преображение Господне): помимо яблок в этот день начинали есть и все остальные фрукты, овощи, поспевающие к данному сроку. Утром шли в храм, на богослужение, освящали яблоки, а вечером ходили провожать солнце, наблюдать закат. Девушки пели песню «Ты, заря ль моя, заря» и выводили неспешный хоровод:[1]

— Ты, заря ль моя, заря,
Зорюшка восхожая.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Зорюшка восхожая.
Восходила высоко,
Осветила далеко.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 42. Песня цит.: 42, с. 156, песня № 90.

Ой, и лель да ляли, ляли,
Осветила далеко.
Через лес, через поле,
Через синее море.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Через синее море.
Через синее море,
Через быструю речушку.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Через быструю речушку.
Как на той на речушке, да,
Лежат две жердочки.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Лежат две жердочки.
Что одна сосновая,
Другая еловая.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Другая еловая.
Как по той ли по жердочке, да,
Никто-то не хаживал.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Никто-то не хаживал.
Да никто не хаживал,
Никого не важивал.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Никого не важивал.
Проходил Евстигнеюшка,
Проводил Афимьюшку.
Ой, и лель да ляли, ляли,
Проводил Афимьюшку.

Ученые-этнографы, описывавшие время покоса, — самого праздничного в разных краях России, замечали, что все участники наряжались в лучшее платье, особенно девушки. Праздничное платье отличали яркие расцветки (особенно выделялись все оттенки красного). Убирая сено, шутили, пели: «Здесь на лугу составлялись хороводы, играли на гармониках и пищиках или жалейках (тростниковых дудочках). Особенное веселье молодежи начиналось, когда копнили: сначала сгребали сено в валы в сажень высотой, а затем группами катили эти валы под общую «Дубинушку» к тем местам, где предполагалось ставить копны».[1]

---

[1] Громыко М. М. Мир русской деревни. — М., 1991, с. 39.

«Для обеда объединялись по нескольку семей. После обеда старики отдыхали, а молодежь отправлялась за ягодами или заводила песни «в кружке». Сенокос продолжался дней двадцать, а то затягивался и на месяц, и соответствующий настрой сохранялся в течение всего этого времени. По окончании сенокоса устраивался праздник всей общины. Для оплаты общего угощения выделяли часть луга, и сено с этого луга продавали — покупатели были свои же односельчане. На вырученные деньги покупали чай, баранки и водку (выпивка за счет общины называлась «мирское»), закуску приносил каждый свою. На праздник сбегалась вся деревня, включая детей: пели, плясали, наблюдали борьбу вызвавшихся охотников, перебрасывались шутками».[1]

Вслед за сенокосом начиналась уборка хлебов. Здесь по традиции каждый убирал свой надел (семьи работали отдельно). Уборка шла в обыденном платье. Песни, звучавшие во время уборки хлебов, в основном привязывались к этому трудовому процессу лишь по первым строкам. На нижегородчине пели «Раз полоску Маша жала», «Посылала Ваню мать яровое поле жать» и др.

Г. Д. Рыженков замечал: «С первого обмолота ржи было принято выпекать хлеб нового урожая и угощаться им. «Новая новина на Ильин день». В торжественной обстановке проходила выпечка «зажиночного хлеба...». Вынутые из печи румяные и душистые караваи хозяйка окропляла колодезной водой и накрывала чистым полотенцем, «чтобы они дошли». На середину праздничного стола клали новый каравай. Разрезали его не спеша и одаривали всех присутствующих за столом. Первым подавали ломоть самому старшему по возрасту мужчине — «батюшке-пахарю». Тот благословлял новый хлеб — «новину». (31, 54).

Завершение жатвы совпадало в некоторых областях России с празднованием Успения Богородицы. Последний сноп украшали, придавая ему сходство с фигурой женщины. Его называли «именинным» или «дожиночным» и воздавали почести, носили по всему селу со специальными песнями (к сожалению, на Нижегородской земле они не сохранились), а затем ставили в красный угол до нового урожая.

Конец жатвы сопровождался таким ритуалом: несколько несжатых колосков перевязывали лентой (или плели из них косу) — «Миколе на бородку, чтоб святой угодник не

---

[1] Там же, с. 39, описание покосов в Вологодской губернии.

оставил без урожая на будущий год». Рядом выкапывалась ямка, в которую клали кусочек запеченного хлеба, посыпанного солью, и присыпали сверху землей.

Жительницы села Кекино Воротынского района рассказывали, что в конце лета жнеи катались по стерне и приговаривали:

— Жнивка, жнивка!
Отдай мою силку!
На пест,
На молотило,
На колотило!

Так жнеи выпрашивали у земли сил для дальнейших осенних работ: обмолота снопов, обработки льна, прядения и т. п.

Если кто-то из хозяев не успел собрать урожай, приглашали всех желающих помочь. Соглашалась вся община: работали споро, весело, с шутками и прибаутками. На Нижегородской земле действо называлось «толо́кой», а песни «толочанскими».

В сентябре приходил черед другим крестьянским заботам: убирали овощи, овес. С последним снопом овса (из него также сооружалось чучело) обходили дома, пели песни. В селе Мишуково звучала шуточная «Вот я вижу, как наше крестьяне»[1]:

Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они пашут под овес.
Ой да, люли, любо да люли,
Они пашут под овес!
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они сеют свой овес.
Ой да, люли, любо да люли,
Они сеют свой овес.
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они полют свой овес!
Ой да, люли, любо да люли,
Они полют свой овес.
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они косят свой овес!

---

[1] См.: Нотное приложение, № 43.

Ой да, люли, любо да люли,
Они косят свой овес!
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они сушат свой овес.
Ой да, люли, любо да люли,
Они сушат свой овес!
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они возят свой овес!
Ой да, люли, любо да люли,
Они возят свой овес!
Овес, овес, овес! Овес!
Вот я вижу, как наше крестьяне,
Они молотят свой овес.
Ой да, люли, любо да люли,
Они молотят свой овес!
Овес, овес, овес! Овес!

В день Иоанна Предтечи — Ивана Постного (11 сентября н. ст.), было принято угощать всех пришлых людей: странников, нищих. Еда была постной, но обильной. В некоторых местностях запрещали есть круглую пищу, считалось грехом брать в руки нож, петь песни и плясать. Потому, что в этот день дочь царя Ирода пела и плясала, выпросив в награду голову Иоанна.

Крестьяне примечали: Иван Постный пришел — лето красное увел», «Иван Постный — осени отец крестный».

Первые Осенины (14 сентября н. ст.) — Семен-летопроводец (Симеон столпник, начало церковного нового года) — отличались своими приметами: «В Семен-день до обеда паши, а после обеда пахаря с поля гони» Это означало прекрасную погоду с утра, к вечеру — ненастье. Начинали копать картофель, мочили коноплю, сушили и мяли лен: «Лен стели к бабьему лету, а подымай к Казанской» (4 ноября).

В это время молодые люди уходили в армию, девушки пели им прощальную песню «Уж ты сад, ты мой сад»:[1]

— Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелёненькой.
Ты зачем рано цветешь,
Осыпаешься?

---

[1] См.: Нотное приложение, № 44. (Записано от Р. А. Полубарьевой в Тришкино Воротынского района, 1992 г.).

Ты зачем рано цветешь?
Осыпаешься?
Ты далече, милой мой,
Собираешься?
Ты далече, милой мой,
Собираешься?
Ты со всеми, милой мой,
Все прощаешься!
Ты со всеми, милой мой,
Все прощаешься,
А со мной со младой
Все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: — Милая, прощай!
Скажи: — Милая, прощай!
Уезжаю в дальний край!
Уезжаю в дальний край,
В путь-дороженьку.
Как летела жар-пава
Через синие моря.
Как летела жар-пава
Через синие моря,
Уронила жар-пава
С крыла перышки.
Мне не жал(ы)ко пера,
Жалко крылышка.
Мне не жалко мать-отца,
Жалко молыдца.

Вторые Осенины совпадали с Рождеством Богородицы (21 сентября). В этот день девушки выходили на берег реки (пруда, озера). Проход сопровождался пением хороводной песни «Как за нашим за двором» (Гагино):[1]

Как за нашим за двором,
Как за нашим за двором.
За двором, за двором,
За двором, за двором.
За зелены(и)м садом. (2)
За садом, за садом. (2)
Росла трава шелкова. (2)
Шелкова, шелкова. (2)

---

[1] См.: Нотное приложение, № 45.

А по той траве пава шла.
Пава шла, пава шла.
За павой павлин идет.
За павой, за павой.
Кричит: — Пава, ты моя!
Ты моя, ты моя!
— Нет, я, сударь, не твоя!
Не твоя, не твоя!
Родимова батюшки,
Батюшки, батюшки!
Родимою матушки,
Матушки, матушки!
Я тогда буду твоя,
Я твоя, я твоя.
Когда пойду за тебя,
За тебя, за тебя!
Я за рученьку взяла,
Я взяла, я взяла.
Во горенку провела,
Провела, провела.
Распростилася, ушла,
Ах, ушла, ах, ушла!

После дня осеннего равноденствия (24 сентября) отмечались Третьи Осенины: обязательно устраивались посидки (беседы, кельи), летние хороводы завершались и все молодежные ритуалы и развлечения переносились в избу (до самой Красной горки).

На посиделки в будние дни брали ручную работу (шитье, вышивание, вязанье, прядение и т. д.). Выполнив «задание», девушки и парни устраивали игры, пели песни, танцевали. В праздничные дни работать не разрешалось.

27 сентября отмечался большой христианский праздник — Крестовоздвиженье. С этим днем в народе были связаны интересные наблюдения: «Воздвиженье тепло сдвигает, а холод надвигает». Все пресмыкающиеся, гады уходят в теплые страны, а «змеи, сбившись клубками, прячутся под трухлявыми пнями, в спячку впадают». В этот день ходить в лес возбраняется: можно встретиться с лешим, оборотнями. Примечали также, что на Воздвиженье нельзя начинать новое дело: оно кончится неудачей. Зато в этот день хорошо воздвигать часовни, кресты, строить храмы.

С начала октября шла подготовка к большому празднику — Покрову Пресвятой Богородицы (14 октября). 2 ок-

тября, в Трофимовские вечерки, молодежь устраивала специальные игры, во время которых определялись женихи и невесты. При этом пелись короткие (по одной четырехстрочной строфе) припевки:

Шла Машонка по дорожке,
Потеряла две сережки,
Два серебряных кольца·
— Выбирай-ка молодца!
или:
В царском доме на балконе
Сидит молодец в уборе,
В балалаечку играет,
Сам девицу выбирает.

Пелись также песни, в которых упоминается имя Катерина[1].

В день Покрова девушки с утра выходили на околицу и просили Божью Матерь (или Батюшку Покров) «покрыть голову», т. е. послать жениха. Считали, что свадьбы, сыгранные в период Покрова (и на Казанскую — женскую заступницу, 4 ноября), — самые удачные.

На посиделках молодежь играла в игры со свадебными мотивами. В соседней с Нижегородской Вятской губернии любили такую игру: все участники выстраивались у одной стены и начинали выкрикивать:

Остров зеленый!
Как за городом,
Как за новеньким,
Стояли трои ворота,
Трои точеные,
Да позолоченые.

Выходили шесть молодушек на некотором расстоянии друг от друга попарно брались за руки. Первая пара, поднимая сцепленные руки, приговаривала:

Остров зеленый!
В первы ворота
Проезжают сватовья.

В первые ворота проходят сват и сваха.

Вторая пара поднимает руки, все говорят (пропевают):

---

[1] См. об этом: с.с. 59—60, а также Нотное приложение, № 39 на с. 79.

Остров зеленый!
В други ворота
Провозят сундуки!

Третья пара поднимает руки. Все:

Остров зеленый!
Как во третьи ворота
Проезжают женихи!

В третьи ворота проходят парень и выбранная им девушка. Все встают в круг, поют и пляшут:

Остров зеленый!
— Кто сына женит?
У кого дочь берет?

В круг входит «отец» жениха:

— Иван сына женит,
У Миколы дочь берет.

Иван кланяется Миколе и выводит его в круг:

— Васильюшка женится,
Он Еленушку берет!

Васильюшка и Еленушка — рука об руку — выходят в круг:

— Он берет-таки, берет!
Она идет-таки, идет!

Иван и Микола пляшут, Васильюшка и Елена берутся обеими руками друг за друга и начинают водить малый круг в одну и в другую сторону.

Девки спрашивают: — Ты, Васильюшка, как невесту любишь? Васильюшка отвечает: — Она мне дороже всех богатств и даров!

Иван и Микола становятся в круг, дабы не мешать молодой паре. Василий и Елена пляшут под плясовую песню, которую поют все, приплясывая на месте и прихлопывая в ладоши. В завершение жених и невеста кланяются друг другу. Все возвращаются в круг, берутся за руки и кланяются внутрь круга, подняв руки «заборчиком» и опуская их вместе с поклоном.[1]

Завершив игру, пели девичьи песни, лирические и протяжные.

В эти дни примечали: «Если на Покров истопят печь яблоневыми дровами, всю зиму в избе тепло будет». Говари-

---

[1] См.: 25, с.с. 361—362. Для удобства исполнения в материал введены некоторые детали, связанные с действом, представлением. Они свойственны хороводам и играм, в том числе и нижегородским.

вали: «Покров, Покров, натопи избу без дров». В некоторых местностях пекли блины («запекали углы»), чтобы зимой тепло было. Считалось, что все ремонтные работы в избе нужно сделать до Покрова, иначе зимой в избе холодно будет: «Захвати тепла до Покрова».

На Покров начинались веселые ярмарки. Отсюда и поговорка — «Приспевай товарец к Покрову».

До прихода зимы особо выделялись два дня — Параскева-Грязниха[1] (27 октября), по которой судили о начале зимы, и Казанская. Если в день Параскевы Грязнихи (иначе ее называли Порошихой) большая грязь ,значит зиму нужно ждать через четыре седьмицы (недели). Казанская же почиталась большим праздником и радостным днем. Сыгранные в этот день свадьбы оказывались счастливыми.

14 ноября — день святых Козьмы и Демьяна (Космы и Дамиана) — называется в народе Кузьминками. В это время в разных местах Нижегородской земли устраиваются разные обряды: «хоронят Кузьму-Демьяна», празднуют «кузьмунку», «сбирают на Кузьму-Демьяна»... Праздник длится от одного дня и до недели, отмечен в Гагинском, Первомайском, Починковском, Сергачском и Вознесенском районах, т. е. на самом юге Нижегородской земли. Смысл праздника — в прощании с природой, «умирающей» на зиму и возрождающейся весной.

«Похороны Кузьмы-Демьяна», которые совершались в селе Юрьево Гагинского района, напоминают «Похороны Стромы», только первая часть этого обряда несколько иная: сооружали куклу мужского пола, ходили с ней по селу, сватали. В невесты Кузьме-Демьяну выбиралась древняя старуха (или девушка, переодетая старухой), совершался обряд сватовства (проникновение в календарность семейного обряда!), затем шла веселая свадьба — в избе, за столом. Все эти действа проходят как бы в ускоренном темпе. Молодых отправляют в подклет, где Кузенька и умирает. Над Кузень-

---

[1] 10 ноября — Параскева Пятница — покровительница женских работ. В «свой» день Параскева запрещала прясть, ткать, вышивать, ослушниц могла наказать. Следы праздника находим в песне «Ой, ниточка тонешька».

кой совершается обряд оплакивания.[1] Плач по Кузьме-Демьяну отличает интонационная гибкость и большая ритмическая свобода (по-видимому, это идет от особого импровизационного дара исполнительницы):[1]

— Уж куды ты, милай Кузенька,
Соб(ы)ралси, снарядил(ы)си,
Тако бело ты намыл(ы)си?
А бело-то, миленькой, Кузенька.
Коли ты за работушку —
Так(ы) бело не намываются,
Нарядно не наряж...аются.
Ох(ы) не по той ли ты, милай
Кузенька, дороженьке,
Ах, откуда я провожала
Своево друга любимова,
А Кузьму Ягорыча!

После оплакивания Кузеньку несут через все село в поля — к озимым, вынимают из чучела сено, складывают кучечкой поверх приготовленного костра и поджигают. При этом также приговаривают: «Чтоб урожай был хорош». «Приходи к нам, Кузенька, и на будущий год!». Далее следуют поминки. («Похороны» с отпеванием, поминки также с аксессуарами семейной обрядности, как и свадьба).

Во время свадебного обряда поются песни, которые бытуют в селе Юрьево (в том числе свадебные). Таким образом, оказывается приуроченным (т. е. обрядовым) лишь плач по Кузьме-Демьяну.

---

[1] См.: Нотное приложение, № 46. Причитание сообщено М. А. Котомкиной.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Соприкосновение с семейными и календарными обрядами — свидетельство того, что жив в народе творческий дух. По-прежнему сохраняются обряды, которые бережно передавались из поколения в поколение. Потому столь важно зафиксировать все то, что хранится в народной памяти. И не только!

Необходимо, чтобы дети, подростки, студенты пытались изучать, а в творческих учебных заведениях, по мере овладения материалом, стремились и воссоздавать разные обряды, петь народные песни, играть хороводы, возрождать русские народные игры, приближаясь к стилю первоисточника.

Этот процесс должен приостановить затухание интереса к народному искусству; крестьяне должны почувствовать нужность своего творчества богатства для всех. И как знать, может быть такая работа в городе приведет к тому, что возрождение культурных традиций на селе наберет силу...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афанасьев А. Н. Древо Жизни. — М., 1983.

2. Балакирев М. А. Русские народные песни. — М., 1939.

3. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба //Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.

4. Белоус Т. И. Русская народная свадьба Нижегородского края (свадебный обряд южных районов в междуречье Теши и Алатыря). — Н. Новгород, 1993.

5. Березин А. Свадьба в Заветлужье — Горький, 1981.

6. Бордюг Н. Д. Детский музыкальный фольклор Нижегородской области в праздниках и обрядах (Опыт реконструкции). — Н. Новгород, 1993.

7. Бордюг Н. Д. Игры в обрядах Нижегородской области //Русские народные игры. — Н. Новгород. 1992.

8. Бордюг Н. Д. О музыкальном складе мордовских свадебных плачей (на примере мордовских сел Горьковской области) //Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. — Таллин, 1986.

9. Бордюг Н. Д. О русском музыкальном фольклоре Горьковской области //Музыкальный фольклор и творчество композиторов Поволжья: Сборник трудов ГМПИ. — М., 1984, вып. 73.

10. Бордюг Н. Д. О специфике нижегородского свадебного обряда (на примере правобережья и южных районов Горьковской области) //Музыка русской свадьбы. — М., 1987.

11. Бунин И. А. Деревня //Избранное. — М., 1993, т. 1.

12. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. //Материалы, собранные и приведенные в порядок П. Е. Шейном.СПб., 1898, т. 1, вып. 1.

13. Голейзовский К. Образцы русской народной хореографии. — М., 1964.

14. Громыко М. М. Мир русской деревни. — М., 1991.

15. Гасев В. Е. Истоки русского народного театра. — Л., 1977.

16. Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.

17. Домострой. — М., 1990.

18. Ефименкова Б. Б. К типологии свадебных ритуалов восточных славян //Музыка русской свадьбы. — М., 1987.

19. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1980.

20. Земцовский И. Мелодика календарных песен. — М., 1975.

21. Кайсаров А. С., Глинка Г. А., Рыбаков Б. А. Мифы древних славян //Сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин. — Саратов, 1993.

22. Карамзин Н. М. История государства Российского — Калуга, 1993.

23. Колчакова Н. П. Лирика русской свадьбы. — Л., 1973.

24. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. — М., 1982.

25. Круглый год. Земледельческий календарь //Сост., вст. ст., примечания в тексте А. Ф. Некрыловой. — М., 1991.

26. Лобанов М. А. Роль свадебных причитаний Горьковской области в ареальном изучении музыкального фольклора //Музыка русской свадьбы — М., 1987.

27. Лядов А. К. Песни русского народа. — М., 1959.

28. Мишенко Н. А. Русская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск. 1979.

29. Мифологический словарь. — М., 1991.

30. Молитвослов. — Нижегородская Епархия, 1990.

31. Народный месяцеслов //Сост. и автор вводных текстов Г. Д. Рыженков. — М., 1991.

32. Нестеров А. Народные песни Горьковской области. — М., 1972

33. Нижегородские хороводы //Сост., вступ. ст. и комментарии К. Е. Креповой. Нотные расшифровки Н. Д. Бордюг. — Горький, 1989.

34. Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы Горьковского университета 1976—1982 гг.

35. Обряды и обрядовый фольклор. — М., 1982.

36. Песни и сказки Пушкинских мест //Фольклор Горьковской области. — Л., 1979.

37. Попова Т. Основы русской народной музыки. — М., 1977.

38. Предания и песни Болдинской старины //Вступ. ст. Ю. Левиной, И. Сидоровой, нотация М. Лобанова. — Горький. 1990, изд. 3.

39. Произведения советских композиторов для народного голоса без сопровождения. — М., 1986, 1987, 1990, вып. 5, 6, 9.

40. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники //Опыт историко-этнографического исследования. — Л., 1963.

41. Пушкина С., Григоренко В. Приокские народные песни. — М., 1970.

42. Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен. — М., 1951.

43. Русское народное поэтическое творчество //Под общей ред. проф. П. Г. Богатырева. — М., 1954.

44. Русский народный свадебный обряд. — Л., 1978.

45. Русские песни //Фольклор Горьковской области. Составил и комментировал Н. А. Усов — Горький, 1940.

46. Сахаров И. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. — СПб, 1836—1837, т.т. 1—2.

47. Снегирев И. М. Русские просто народные праздники и суеверные обряды. — М., 1979.

48. Трубе Л. Л. География нерусского населения Горьковской области //Записки краеведов. — Горький, 1979.

49. Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. //Очерки из истории народных верований. — М., 1957.

50. Bordjug N. D. On musîcal folklore of mórdovian villages ni Yorký regíon //Folk musîc Today ínternational Cónferènce Tallinn, 1989.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

№1. ЖДАЛИ, ЖДАЛИ, НАКОНЕЦ, ДОЖДАЛИСЬ МЫ ДРУГА

♩=72

Одна — Все

Жда-ли, жда-ли, на-ко-нец, до-жда-лись мы дру — га.*

Знать, свя-той по-слал тво-рец вер-но-го су-пру-га.

№2. ИЗ-ЗА ЛЕСИКУ, ИЗ-ЗА ТЁМНЫВА

♩=88

Одна — Две

Из-за ле — си — ку, из — за тём — ны-ва.

Все

Ой ли, лю-ли, из — за тём — ны-ва.

Две

Из са- ди- ку, да, из зе-лё — ны-ва.

Все

Ой ли, лю-ли, из зе- лё - ны-ва.

* ♩ — скольжение голосом вверх или вниз.

№3. СОЛНЦЕ ВОСХОДИЛО

♩= 63

Одна — Все

Сол-нце вос-хо-ди-ло, да, на пер-вый день вес-ны (ы),

Одна

Ду-ня-ша вы-хо-ди-ла на кру-той бе-ре-жок. Ду-ня-ша вы-

хо-ди-ла, да, на кру-той бе-ре-жок... и т. д.

№4. КАТЕНЬКА, КАТЮША, КУПЕЧЕСКА ДОЧЬ

♩=52-54

Одна — Две

Ка-тень-ка, Ка-тю-ша, ку-пе-чес-ка дочь.

Про-гу-ля-ла Ка-тя всю тем-ну-ю ночь.

№5. ВЯНУЛИ, ВЯНУЛИ В ПОЛЮШКЕ ЦВЕТИКИ

♩=66 Одна Две

Вя-ну-ли, вя-ну-ли, вя-ну-ли в по-люш-ке цве-ти-ки,

Вя-ну-ли во чис-ты-ям ла-зо- ре-вы- е.

Импровизационно

№6. ОТДАЛА МЕНЯ МАМЫНЬКА

Одна

От-да-ла ме-ня ма - мынь-ка

шест-над-ца - ти лет,

Не бу-ду я к ма-мынь-ке три... три го-да хо-дить.

№7. СНЕЖКИ БЕЛЫЕ ПУШИСТЫЕ

♩=60

Одна Две Все

Снеж-ки бе-лы-е пу-ши - сты - е При - на-кры-ты

Одна Две

все по- ля. При-на-кры-ты все по-ля, ха, да,

О... од-но по - ле, по-ле не по- кры... по-кры — то,

По - ле ба - тюш - ки ма - во.

№8. ДЕВКИ ДУМАЛИ, ДЕВКИ ГАДАЛИ

♩=68

Дев-ки ду-ма... ли, дев-ки га-да... а - ли:- во ка-ку иг-ру иг-

рать. Во ка-ку иг-ру иг-рать, да, и-ли в жму...

Жмур-ки, и-ли во го-рел-ки. Мы в ве-ре... воч-ку нач-нем.

№9. ВЫ НЕ ПОЙТЕ-КА, ДА, ПЕТУХИ РАНО!

Импровиз.

Одна

-Вы не пой-те-ка, да, пе-ту-хи ра-но!

Не бу-ди-те-ка мо-их по-дру-же-нек.

Уж-та я са-ма... А раз-бу-жу-та их...

Рас-ска-жу я им, ох, свой тре-вож-ный сон,

А что при-сни-лся мне, да, на са-мой за-ре. И т.д.

♪=72

№10. А ВСТАВАЙТЕ-КА, МОИ ПОДРУЖЕНЬКИ

Одна

-А вста-вай-те-ка, мо-и по-дру-жень-ки!

А уж и спа-лось ли вам тем-ной но-чень-кой?

А мне, бед-но-ю, не спа-ло-ся.

А не спа-ло-ся, да все мне ду-ма-лось. И т.д.

№11. И НЕДОЛГО ВЕНОЧИКУ НА СТЕНКЕ ВИСЕТЬ

Импровиз.

Одна

И не-дол-го-то ве-но-ч(и)-ку на стен-ке ви-сеть,

на стен...ке ви-сеть. И не-дол-го ма-шень-ке в де...

в де-вуш-ках си-деть, в де-вуш-ках си-деть. И т.д.

№12. ТЫ ТОПИСЬ-КА, ТОПИСЬ, БАНЮШКА

♪=128

Ты то-пись-ка... а, то-пись, ба-нюш-ка!

Рас-ка-лись-ка... а, печ-ка-ка-мен-ка!

Ты рас-сыпь-ся... а, бел-кру-пён жем-чуг. И т.д.

№13. ЭХ, ДА ТЫ ВСТАВАЙ-КА, МИЛА МАМЫНЬКА

Импровиз.

Одна

-Эх, да ты вста-вай-ка, Ах, ми-ла мо-я ма-мынь-ка,

по ут-ру ра-нё-шень-ко.

♩=56-60 №14. АХ, ЗАУТРО ГЛЯНУЛА Я

Одна

Ах, за-ут-ро гля-ну-ла я,

Ах, да я в о-ко-шеч-ко,

Ах, да тут про-стре-ли-ло

А мо-е то сер-де-чуш-ко. И т.д.

♩=60 15. ВОСТРУБИЛА ТРУБОНЬКА РАНО ПО РОСЕ

Все

Вос-тру-би-ла тру-бонь-ка ра-но по ро-се.

Эх, ра-но по ро-се. Вос-пла-кну-ла ка-тень-ка

об ру-сой ко-се. Эх, об ру-сой ко-се.

№16. ЧУЖА СВАХОНЬКА РАЗЛУШНИЦА

♩=66

Одна

Чу - жа сва — хонь-ка раз-луш-ни — ца,

Все

Но - да, зме... э — я под-ко-лод-ли-ва — я.

Под-хо — ди — ла к мо-му те - ре - му,

Вы-кли - ка - ла мо-во тя-тень-ку,

Вы-кли-ка... а - ла мо-ю ма - мынь-ку,

Вы-хва-ля... а - ла чу-жу сто - ро - ну... И т.д.

♩=60

№17. СНЕГУ НЕ БЫЛО - НАВЕЯЛО

Одна — Все

Сне-гу не бы-ло-на-ве-я-ло. Сне-гу не бы-ло-на-ве-

я-ло. Го-стей не... е бы-ло-на-е-ха-ло: И т.д.

Импровиз.

№18. ОЙ, ПРОПУСТИТЕ-КА ВЫ МЕНЯ

Одна

Ой, про-пу-сти... и-те-ка а вы ме-ня, доб-ры-ю... у-ди,

а вы ме-ня к ду... у-бо-ву-ту... у сто-лу,

а с сво-е-ми-те с лю... би-ма-ми по-друж-ка... а-ми.

Ох, подойди... и-ка ты, Ох, разбела лиоя... а левё... душка,
А размила мая мамы... ынька.
А раскрой-ка ты мою шелкову... у фату,
Да погляди-ка ты... на мою-то кро... осыньку,
Как она во мне... изменя... ается.

№19. ЭХ, САД ПО ГОРЕ РАССТИЛАЕТСЯ

♩=72

Одна

Эх, сад по го-ре, э-х(ы), сад по го-ре

Рас-сти-ла-ет-ся, рас-сти-ла-ет-ся.

Эх, зе-лен-то кру-той, э-х(ы) зе-лен-то кру-той

Рас-сти-ла-ет-ся, рас-сти-ла-ет-ся.

№20. КАК У МЕСЯЦА КРУТЫЕ РОГА

♩=66

Одна

Как у ме-ся-ца кру-ты-е ро-га,

Все

А у ко-лень-ки куд-ря-ва го-ло-ва.

Вот не са... а-ми куд-ри за-ви-лись... И т.д.

№21. ПОЛЕВАЯ СЛАДКА ЯГОДКА

♩=66

Одна

По-ле-ва-я слад-ка я-год-ка,

Все

До-ро-га-я гос-тья ка-тень-ка.

№22. НА СТОЛИКЕ ДУБОВОМ

♩=92

Все

На сто-ли-ке ду-бо-вом, ду-бо-вом

Сто-ит чай-ник со ви-ном, со ви-ном.

№23. У СТОЛА, СТОЛА ЛИ КРАСНЫВА

♩=92

Две

Все

У сто-ла, сто-ла ли кра... а — сны-ва, ды,

Спро-тив зер-ка-ла хру-ста... а — льны-ва, ды, ... и т.д

Концовка

Со тя-жё-лой со ра-ва... о — туш-ки.

№24. КТО У НАС УМЕН („РОЗАН")

♩=72

Одна

Кто у нас у-мен, кто у нас ра-зу-мен?

Все

Ро-зан, ты мой ро-зан, ви-но-град зе-ле-най.

№25. ПОЛНО, ПОЛНО ВАМ, РЕБЯТЫ

♪=104

Один

Все

По-л(ы)-но, по-л(ы)-но ва-м(ы), ре-бя-ты, чу-жо пи-во пить, да, ох!

Для повтора

Не по-ра ли вам, ре-бя-ты, сво-е за-во-дить, дай! Ох,

Для перехода

сво-ё за-во-ди-ти. У нас со-лод на о-ви-не...

И т.д.

№26. ИЗ-ЗА ГОР-ГОРЫ ЕДУТ МАРЗУРЫ

♩=42

Одна

Из-за гор-го-ры е-дут ма-зу-ры.

Е-дут, е-дут мар-зу-роч-ки, ве-зут, ве-зут мне ве-ноч-ки.

Е-дут, е-дут мар-зу-роч-ки, ве-зут, ве-зут мне ве-ноч-ки.

♩=56

Ве-нец не про-стой, ве-нец зо-ло-той.

♩=112 №27. УЖ КАКОВА НЮРА ВЫБРАЛА

Все

Уж ка-ко-ва Ню-ра вы-бра-ла,

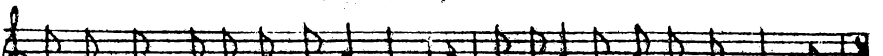
О-на ста-ро-ва, гор-ба-то-ва.

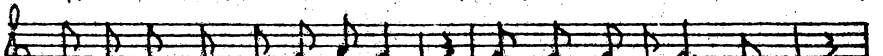
На гор-бу-то ро-ща вы-рос-ла. И т.д.

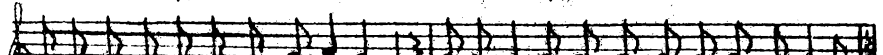
№28. ТРОПАРЬ И КОНДАК НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

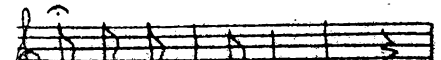
Импровиз.

ТРОПАРЬ

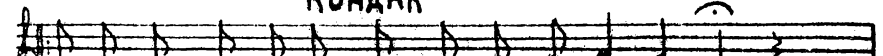


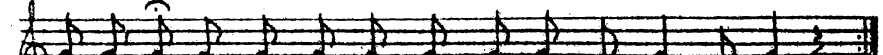






Кондак





Ангели с пастырями славословят,
Волсви же со звездою путешествуют:
Нас бо ради родися Отроча младо,
Предвечный Бог!

№ 29. КАК НА НОВЕНЬКИЙ ГОДОК

♩=144

Как на Но-вень-кий го-док, На Ва-си-льев ве-че-рок.

Ой, Та-у-сень! Ой, Ма-у-сень! И т.д

№ 30. ТАУСИНКА

♩=132

Одна Все

-Та-у-син-ка! Где, ка-ра-куль-ка, бы-ла?

-Ко-ней пас-ла! -А где ко-ни?

-За вра-та уш-ли! -А где во-ро-та?

-Во-дой снес-ло! -А где во-да? И т.д.

№31. КАК У СВЕТЛОГО У МЕСЯЦА КРУТЫЕ РОГА

♩=76

Одна

Как у свет-ло-го у ме-ся-ца кру—ты — е ро-га.

Все

Ой, та... ой,

А у со-л(ы)-ны-шка лу-чи яс-ны—е го-рят.

та-у-син!

Ой,

А у ва-ню-шки-свет ру-сы-е куд-ри.

та... ой, та-у-син!

И т. д.

№32. КАК СПРОТЬ ЭТЫВА ДВОРА

♩=84

Как спроть э-ты-ва дво-ра Раз-ли-ва-ла-ся во-да.

Как на э-той на во-де Рас-сти-ла-ла-ся тра-ва.

Как на э-той на тра-ве Сто-ит дров кос-тер,... И т.д.

№33. КАЛИДА, КАЛИДА

♩=96

Все

-Ка-ли-да, ка-ли-да! По-ско-на бо-ро-да. Ты где бы-ла?

Одна Все Две

-Ко-ней пас-ла! -А где ко-ни? -За вра-та-ми сто-ят!

И т.д.

№34. ПОДУШЕЧКА, РАЗДУШЕЧКА

♩=72

Одна

По-ду-шеч-ка-раз-ду-шеч-ка, мо-я пу-хо-ва-я.

Все

По-ду-шеч-ка-раз-ду-шеч-ка, мо-я пу-хо-ва-я.

Одна

Ай, лё-ли, лё-ли, мо-я пу-хо-ва-я.

Ай, лё-ли, лё-ли, мо-я пу-хо-ва-я.

№35. ПРЫГНУЛ КОЗЁЛ В ОГОРОД

♩=76-80

Одна

Прыг-нул ко-зел в о-го-род,

Все

Прыг-нул ко-зел в о-го-род.

А ба-ры-ня, в о-го-род, Су-да-ры-ня, в о-го-род.

Всю ка-пус-ту пер-ло-мал, Всю ка-пус-ту пер-ло-мал.

А ба-ры-ня, пер-ло-мал, Су-да-ры-ня, пер-ло-мал.

№36. ЖАВОРОНЫЧКА

♩=92-96

Одна — Все

Уж вы, жа-во-рон-ки, Жа-во-ро-но-ч(и)-ки,

При-ле-ти-те вы к нам, При-не-си-те вы нам,.. И т.д.

№37. ВЕСЕЛИТЕСЬ-КА, МОИ ПОДРУЖКИ

♩=56-58

Одна

Ве-се-ли-тесь-ка, мо-и по-друж-ки,

Две

Ско-ро, ско-ро к нам вес-на... а при-дет.

Одна

Ско-ро, ско-ро к нам вес-на при-дет.

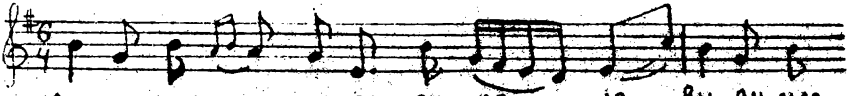
Две

Вес-на ирас-на-я про-гля-нет,

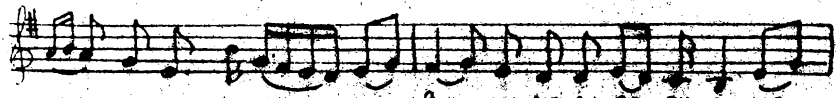
Снеж-ки сго-нит с го-р(ы)-те.. е во-да.

№38. ВЫДУ, МЛАДЕНЬКА, ПОГУЛЯЮ

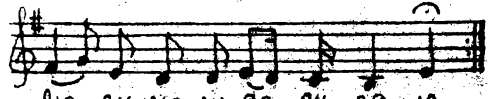
♩=72



Вы-ду, мла-день-ка, по-гу-ля — ю, Вы-ду, мла-



день-ка, по-гу-ля — ю. Лю-ли, лю-ли, по-гу-ля-ю,

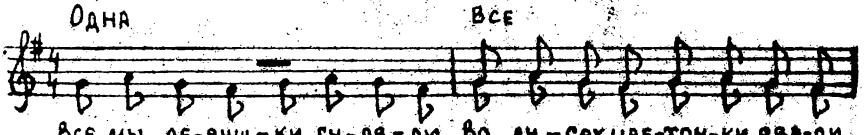


Лю-ли, лю-ли, по-гу-ля-ю.

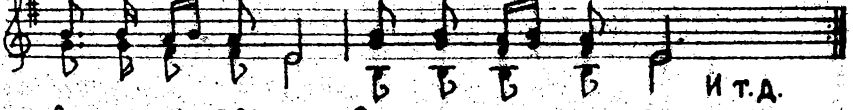
№39. ВСЕ МЫ, ДЕВУШКИ, ГУЛЯЛИ

♩=63

Одна Все



Все мы, де-вуш-ки, гу-ля-ли, во луг-ах цве-точ-ки рва-ли,



Ве-ноч-ки пле-ли, Ве-ноч-ки пле-ли. и т.д.

♩=60 №40. САДИЛ МОНАХ, ОЙ, ДА МАТЬ-ЧЕРЕМУХУ

Одна Все

Са-дил мо-нах, ой, да мать-че-рё — му-ху

под кра... под крас-ным ок-ном.

Одна

Под крас-ным ок-ном,.. э,.. ом!.. э... Рас-ти, рас-ти,

ой, да мать-че-рё — му-ха, тон-ка, тон-ка, вы-со-ка.

♩=56 (Импровиз.) №41. ОЙ, РОДИМАЯ ТЫ МОЯ

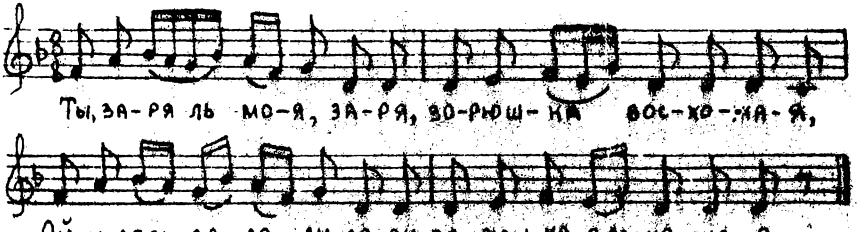
Ой, ро-ди-ма-я ты мо-я, до-ро-га-я ты мо-я,

ми-ла-я ты мо-я, сест-рынь-ка, го-су-да-ры-ня мо-я,

ма-мынь-ка, в под-го-ло-вонь-ке тра-вынь-ка. И т.д.

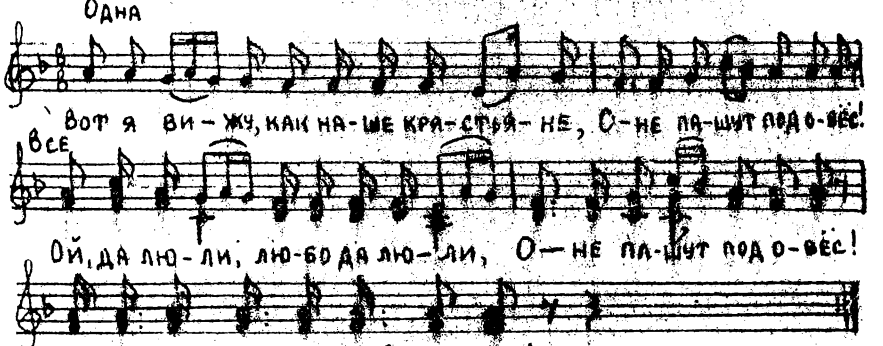
Умеренно

№42. ТЫ, ЗАРЯ ЛЬ МОЯ, ЗАРЯ



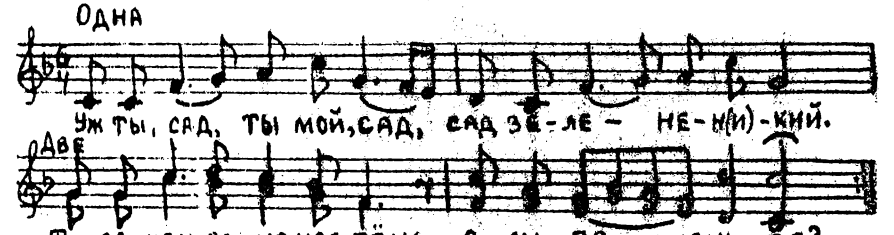
♪=104

№43. ВОТ Я ВИЖУ, КАК НАШИ КРЕСТЬЯНЕ



♩=72

№44. УЖ ТЫ, САД, ТЫ МОЙ, САД



№45. КАК ЗА НАШИМ ЗА ДВОРОМ

♪=120

Одна — Две

Как за на-шим за дво-ром, Как за на-шим за дво-ром,

Все

За дво-ром, за дво-ром, За дво-ром, за дво-ром.

№46. А УЖ КУДЫ ТЫ, МИЛАЙ КУЗЕНЬКА

Импровиз.

А уж ку-ды ты, ми-лай Ку-зень-ка,

Со-брал-ся, сна-ря-ди-л(ы)-ся?

Та-к(ы) бе-ло на-мы... ыл-ся?

А бе-ло-то, ми-лень-кой, Ку-зень-ка... И т.д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Часть первая. Свадьба.	5
Часть вторая. Календарь.	53
Вместо заключения	95
Список литературы	96
Нотное приложение	99

Подписано к печати 12.07.96 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага писчая.
Печать высокая. Объем 7,75 п. л.
Заказ 755. Тираж 1500.

Борская типография. ул. Ленина, 112.

СВАДЬБА КАЛЕНДАРЬ